

172523

172523

591739

STUDIA HISTORICA
ACADEMIAE SCIENTIARUM HUNGARICAE

3.

ЭРИК МОЛЬНАР
ЧЛЕН АКАДЕМИИ НАУК ВЕНГРИИ

ОСНОВАНИЕ ВЕНГЕРСКОГО
ГОСУДАРСТВА

MTA
KIK

ACADEMIA SCIENTIARUM HUNGARICA
BUDAPESTINI 1951

172523

I. РАЗВИТИЕ КЛАССОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Подробности занятия венграми исторической территории Венгрии довольно туманны. Имеется такая версия, согласно которой из территории исторической Венгрии в IX столетии венгры заняли лишь Трансданубию и ее периферии, Малую Низменность и местности между Дунаем и Тиссой, а территория Северного Края, Затисского Края, Темешкёза и Трансильвания перешла в руки венгров лишь в течение XI столетия. В соответствии с этой точкой зрения часть войн Иштвана I, которые считаются большей частью внутренними войнами, так например, войны против Айтона (Ajtony) и Дьюлы (Gyula),* надо было бы считать войнами, веденными против чужих народов, болгар и печенегов, в ходе занятия исторической территории Венгрии, продолжавшимися в течение двух столетий. В середине X столетия печенеги имели племя по имени „Гюла“, жившее в соседстве с венграми. С другой стороны возможно, что некоторые сражения конца IX столетия, о которых упоминает Аноним** нотар короля Бэлы III в связи с занятием Венгрии, так, например, война против Менмарота, Глада, в действительности сохраняют память о внутренних войнах, разыгравшихся позже, между вождями венгерских племен. Не исключено также и то, что некоторая часть венгерского народа, смешавшись с печенегами, жила в местностях нижнего течения Тиссы, находившихся под болгарским владычеством.

Картина довольно неясная. Однако, достаточно ясно то, что в X—XI столетиях большая часть Северного Края исторической Вен-

* Айтонь — по Анониму и легенде св. Геллерта — имел свою резиденцию в крепости Чанад при реке Марош и находился во владении территории, распространившей между реками Тисса и Марош на юг. Он принял христианство в Болгарии, в г. Виддин. „Дьюла“ — первоначально название должности судьи в венгерском племенном союзе и позже становится названием племени. В данном случае речь идет о начальнике племени, населявшемся в западных частях Трансильвании. По Константину Багрянородному одно из западных, пограничных с венграми племен печенегов называлось „Гюла“, из чего следовало бы, что „Дьюла“ был печенегом. Таким образом войны короля Иштвана были бы не внутренние, а внешние войны против болгар и печенегов.

** Аноним, по всей вероятности нотар короля Бэлы (1173—1196), хроника (gesta) которого (Scriptores Rerum Hungaricarum. Под. ред. E. Szentpétery т. I. Будапешт, 1937.) является одним из самых важных источников древнейшей истории венгров.

грии, теперешней Словакии, находилась под чешским и польским владычеством и лишь в последние десятилетия XI столетия перешла окончательно в правление венгров. Можно считать определенным, что большая часть венгров в конце IX столетия, заняла Трансданубию, ту часть Венгрии, где находилось славянское государство, связанное с именем Прибины. В XIII—XIV столетиях 160 из приблизительно 190 известных венгерских знатных родов, т. е. 5/6 всех родов, происходило из задунайских комитатов, и к тому же около 30 из них именно из комитата Зала, где находилась резиденция Прибины. (Согласно Кезаи и „Иллюстрированной Хронике“, * решающее сражение в ходе занятия Венгрии разыгралось также в Трансданубии, вблизи Банхиды.) Наконец, вполне вероятно, что задунайские венгры уже начиная с середины X столетия массами шли в Восточную Венгрию, и так, самое позднее, начиная с этого времени часть трансильванских речных долин была в руках венгров.

Можно предположить, что центр оккупации переместился в Трансданубию под нажимом печенегов, оттеснивших венгров от Дона к Дунаю. Венгры сделали все возможное для избежания нового столкновения с печенегами. Когда византийский император, после занятия венграми нынешней Венгрии предложил им союз против печенегов, венгерские вожди отклонили предложение, заявив: „Мы не воюем против печенегов, так как не можем справиться с ними, настолько велика их земля, настолько многочисленен их народ, настолько храбры они. И не говори больше об этом, так как это нам не нравится“. (Заметки императора Константина.)** Но Трансданубия и без этого имела свою силу притяжения. Изюм всех краев Венгрии в Трансданубии наиболее благоприятны природные условия для скотоводства. (Скотоводы-авары еще до венгров занимали, по всей вероятности, главным образом Трансданубию.) Наряду с этим, Трансданубия была более плотно заселена, наиболее развита экономически. Говоря словами Анонима, венгры захватили в свои руки „плоды труда“ народов, найденных на новой родине. Эта добыча была наиболее соблазнительна в Трансданубии.

Венгры из задунайских славян „всех тех, кто на этой земле не хотел им покориться, заковав в железные цепи, уводили к себе в качестве рабов.“ (Аноним, гл. 37.) С другой стороны, те, кто под-

* „Gesta Hungarorum“ Симона Кезаи см. *Scriptores Rerum Hungaricarum* т. I. Будапешт, 1937. Иллюстрированная Хроника с некоторыми вариантами выдана там же.

** Gy. Moravesik — R. J. H. Jenkins, Constantine Porphyrogenitus. *De administrando imperio*. Будапешт, 1949. стр. 56.

чинялся им без борьбы — а таковых могло быть большинство — в виде дани поставляли им „все, что надо было для питания“ (Аноним, гл. 12.) и выполняли тяжелые работы, так же, как болгарские славяне для болгарских тюрков. Аноним (гл. 40.) также упоминает о тяжелой работе покорившихся славян на стройках крепостей. Кроме того, они несли и военную службу. Баварские епископы в 900 году писали* папе о принадлежавших к моравской империи славянах, что они вместе с венграми нападали на Паннонию и, как отмечает также Аноним, венгры вели с собой в военные походы и покорившихся им жителей. (гл. 33.)

Покорившиеся завоевателям славяне вначале сохранили свое самоуправление. На это указывает Аноним, рассказывая, что более знатные жители, дворяне отдавали своих сыновей в качестве заложников венграм, раздававшим им подарки (гл. 33., 37.). Заложники служили гарантией тому, что население не будет злоупотреблять предоставленной ему свободой. О болгарских славянах мы знаем, что их вожди жили в дружбе с болгаро-тюркскими князьями и пировали вместе с ними, так же как и русские князья продолжали править дальше, после монгольского завоевания. Таким образом, в занятых местностях Трансданубии сохранился славянский комитат. Однако, славянский „ишпан“ (происходит от славянского слова — жупан) был доверенным лицом венгерской власти и его задачей было заботиться о выполнении обязательств, лежавших на славянском населении комитата** и являться с войском крепости, составлявшими теперь вспомогательную часть венгерской армии, на войну. Подобно этому, покорившись венгерской власти, сохранились и элементы прежнего славянского придворного хозяйства.¹

Кому служили своим трудом и оружием покорившиеся славяне? Здесь мы не можем удовлетвориться тем отвлеченным ответом, который мы находим как у примитивного Анонима, так и в нашей самой современной историографии, а именно, что они служили: „Князю Арпаду да его народу“, занимающим страну венгерским родам. Этот обобщенный ответ скрывает фактическое положение вещей,

* Gy. Pauler — S. Szilágyi, A magyar honfoglalás kútfeje (Источники, относящиеся к истории занятия страны венграми). Будапешт, 1900.

** Комитат (comitatus), по венгерски „megye“, стародавнее территориальное деление Венгрии. В главе комитата стоял „comes“, по венгерски „ispán“. Соответствующие комитату слова в славянских языках: медья, жупа, етблица и т. д.

¹ Ишпаны и витязи славян, населявших долину Эльбы и попавших под власть немцев в XI столетии, кроме службы в коннице, являлись сборщиками налогов немецких феодалов. Нельзя думать конечно о существовании какого-то регулярного налогового органа во времена, следующие непосредственно после занятия страны. Взыскивание налогов производилось вероятно в сильно анархической форме.

которое имеет очень важное значение с точки зрения развития венгерского народа после занятия исторической территории Венгрии.

Лишь в порядке исключения бывает то, что победивший народ во всем своем целом имеет право получать пользу от эксплуатации побежденного народа, как например, греки в Спарте и на острове Крит. Совместная эксплуатация предполагает наличие у победившего народа коммунистической общественной организации, а живущие в ней народы неспособны создать даже такой аппарат власти, который необходим для систематической эксплуатации побежденного народа. С другой стороны, народы, способные создать такой аппарат власти, большей частью уже далеко оставили за собой эпоху первобытно-коммунистической общественной организации. Они и в своем обществе знают разницу между богатыми и бедными, господами и слугами, руководящими и руководимыми, и руководящие богатые господа здесь уже достаточно сильны для экспроприации выгод завоевания, в первую очередь, для самых себя, в ущерб своим соплеменникам.

Венгерское общество в данной эпохе, имея феодальные элементы своей организации, находилось в вышеуказанной стадии развития. Т. н. „кровавый договор“, заключенный с князем, обеспечивал долю из общей добычи только для вождей племен. А вожди племен часть полученной ими добычи должны были отдавать, в первую очередь, присоединившимся к ним родоначальникам и их приближенным. Простые свободные люди могли претендовать самое большое, на оставшиеся крохи добычи.

Поэтому можно считать несомненным, что львиная доля важнейшей добычи — налогоплательщики и солдаты из славянского населения крепостей — попадала в руки князя, стоявшего во главе союза венгерских племен, и остальная часть делилась между вождями племен и, в крайнем случае, родоначальниками. Другие люди должны были удовлетворяться остальной добычей, частью скота, невольников, из чего приближенные вождей получали большую часть, а простые свободные люди — лишь мелкие отбросы. (Описание Анонимом пустасерского собрания (гл. 40.), на котором „князь дарил пришедшим с ним благородным людям различные местности вместе с их населением“, указывает вероятно на такой дележ добычи.)

Крепости, бывшие раньше резиденциями славянских главных начальников, стали резиденциями венгерских главных начальников: Секеш-Фехервар в Трансданубии стал резиденцией князя (Фехервар был первым городом, выбранным для себя Арпадом в Паннонии, говорится в „Иллюстрированной Хронике“, приписывающей в то же время основание Фехервара св. Иштвану); Дьюла-Фехервар в Трансильвании

(в результате раздела или в связи с завоеванием его позже племенем „дьюла“) стал резиденцией Дьюлы, занявшего здесь место прежнего славянского воеводы. Другие крепости, вместе с принадлежащим к ним населением, перешли к другим венгерским главным начальникам. Аноним, между прочим, упоминает о сыне Онда, Эте, который силами доставшегося ему славянского населения построил крепость Чонград (гл. 40.) (по всей вероятности при дележе он получил славянское население Чонграда), и о сыне Бёнгера, Борше, получившем при дележе население одного комитата (гл. 32.). Князь в оставшемся в его руках большом числе комитатов имел в своем распоряжении целый ряд славянских ишпанов и население их крепостей. Венгерские начальники в перенятых от славян крепостях жили частью в славянской среде, в их военные дружины вскоре попали и славяне, к тому же в большом числе, как свидетельствует об этом переход в эту эпоху в венгерский язык славянского слова „vitéz“.

Покорившиеся славяне находились в личной зависимости от их венгерского повелителя. Они были прикреплены к его личности и должны были работать на него. Однако, тот, кто распоряжается рабочей силой населения, проживающего на определенной земельной площади, посредством этого факта распоряжается и земельной площадью, являющейся условием использования этой рабочей силы; таким образом эта площадь является предметом частной собственности. Сущностью частной собственности и здесь является власть над другими людьми, также, как и при буржуазной собственности на капитал. Но, в то время, как при буржуазной собственности на капитал власть над другими людьми проявляется в виде власти лишь над вещами, над производственными средствами, скрывающем таким образом власть над людьми, при вышеуказанной частной собственности на землю и власть над вещами, над землей проявляется в виде власти над людьми, скрывающей власть над землей. Это является первой, первобытной формой феодальной частной собственности на землю, связанной с личной зависимостью трудящегося на земле от собственника земли. Из феодальной собственности на землю развивается в итоге свободная частная собственность на землю (крупные поместья в буржуазном обществе), при которой, также как и при буржуазной собственности на капитал, власть над вещами, над землей скрывает сущность собственности — власть над людьми. Частная собственность может иметь различное содержание. Она может содержать простую власть над вещами (инструменты охотника, живущего в первобытно-коммунистическом обществе, предметы потребления наемного рабочего), власть над вещами, скрывающую власть над людьми (буржуазная собственность на капитал, свободная

частная собственность на землю) и власть над людьми, скрывающую власть над вещами (первобытная форма феодальной собственности на землю).

Венгерский народ, уже до занятия исторической территории Венгрии, познакомился с учреждением частной собственности на землю (так же, как и, в пассивной роли, в связи с этим, с учреждением государства, с учреждением завоевательного кочевого государства). Но раньше в его общественном строе частная собственность на землю играла лишь временную роль, так как базировалась на его временной связи с чужими обществами. Однако, занятие исторической территории страны привело в Венгрии к слиянию подчиненного славянского общества и завоевательного венгерского общества. В силу этого, в общественной организации венгров, теперь уже консолидировалось учреждение частной собственности на землю. И за этой консолидацией следовало ее дальнейшее распространение со славянских территорий на общинные земли венгерского народа.

Покоренное славянское земледельческое население, своей службой, и славянские витязи дружин укрепили экономическую и военную силу начальников по сравнению с простыми членами венгерских родов, и вследствие иерархической системы раздела добычи укрепили экономическую и военную силу высших начальников по сравнению с низшими начальниками, князья — по сравнению с начальниками племен, начальников племен — по сравнению с родоначальниками. На этой основе уже в десятилетия, следовавшие непосредственно за занятием страны, могла вспыхнуть борьба с одной стороны между родоначальниками и простыми членами родов из-за стремления начальников подчинить себе, в рамках зависимого отношения, простых членов рода, подобно подчинению славянского населения, и между начальниками с другой стороны, из-за стремлений высших начальников, которые хотели подчинить себе низших начальников, обеспечивая таким образом для себя, полностью или частью, материальное преимущество, которое эти последние имели посредством своего славянского населения и путем подчинения себе родичей.²

Иштван I в начале XI столетия, первым своим законом запретил ишпанам и витязам обращать в рабов свободных людей. Спокойно можно предположить, что властвующие люди общества проявляли подобное стремление уже в первую половину X столетия, в эпоху, следовавшую непосредственно за завоеванием Венгрии, ибо его условие — усиление власти руководящих элементов — уже име-

² Борьба такого характера, как правило, сопровождает жизнь феодальных или феодализирующихся кочевых обществ.

лось в то время. Стремление родоначальников подчинить себе родичей, заключало в себе стремление взять в личную собственность общинные земли.³

Прибывшие на территорию Венгрии роды, в соответствии со своей системой собственности, взяли в общую собственность родов занятые ими пастбища. Территории, занятые принадлежащими к одному племени родами, отделялись друг от друга полосами земли, являющимися общей собственностью племени. Подобно этому и отдельные племена отделялись друг от друга — и от соседних народов — полосами земли, являющимися общей собственностью союза племен. Этой формой оккупации они хотели предотвратить раздор между отдельными родами и племенами в вопросе о пользовании пастбищами.⁴

По отношению к соседним народам эти полосы служили военным целям. Отделяющие от соседних народов, не занятые пограничные полосы („засеки“) были устроены для обороны, несомненно по славянскому образцу, как это можно заключить из славянских слов „брана“, „приекопа“ — относящихся к венгерской системе пограничных полос.

В прошлом, в строе военной демократии пользование общими землями регулировалось между большими семьями родоначальниками, после заслушивания родового совета. Подобно этому, в спорных вопросах о пользовании общими землями племени и союза племен родами и племенами, решение выносил начальник племени, после заслушивания мнения совета племен или начальник союза племен, после заслушивания мнения совета союза племен. Таким образом, начальники уже и раньше распоряжались общественными землями. Теперь, когда укрепилась их личная власть, они с помощью устранения советов, стремились изменить право распоряжения общественными землями, принадлежавшими им как уполномоченным коллектива, в право личного распоряжения, и, ссылаясь на это право, т. е. на право личной собственности на землю, приступили к подчинению себе родичей, требуя от них за пользование землей постоянной службы. Этому способствовало то обстоятельство, что они уже и

³ Описанный здесь двойной процесс должен был начаться самое позднее после занятия исторической территории Венгрии. Решающие общественные события, следующей за занятием страны эпохи: общее подчинение родичей, установление системы частной собственности на землю, выделение государства из борьбы между начальниками, предполагают соответствующие общественные условия.

⁴ Форма оккупации показывает, что занимающие страну венгры не имели мощной центральной власти. Если бы эта власть существовала, она могла бы предотвратить внутреннюю борьбу и не было бы необходимости в создании искусственных пограничных полос.

раньше имели от членов рода случайные доходы в виде подарков и судейских пошлин. Это стремление начальников могло иметь успех, так как одновременно с укреплением их власти ослабла экономическая сила простых родичей и с этим и их сопротивляемость таким попыткам.

После занятия территории Венгрии экономические жизненные условия венгерских родов ухудшились, так как на новой родине уменьшилась площадь пастбищ, являющаяся основой их скотоводства. Площадь, перешедшая в общую собственность, была слишком мала по сравнению с их числом и с их производительными силами.

Мы имеем лишь одну цифру, из которой можно сделать вывод о численности венгерского народа во времена занятия страны. В одном арабско-персидском историческом источнике о венграх IX столетия говорится, что их князь „едет на коне во главе 20-ти тысячной конницы“. Это число относится ко времени, предшествовавшему присоединению кабаров* и опустошительному нападению печенегов. Эти два последние обстоятельства в отношении влияния на численность народа в общем могли противодействовать друг другу, так что указанное выше число можно принять за исходную точку.

Из числа 20 тысяч всадников об общем числе населения можно сделать лишь приблизительный вывод. В это число может входить все мужское население, способное нести военную службу, но оно может содержать также и самое большее число отправившихся в поход. В последнем случае 20 тысяч всадников соответствуют 30 или 40 тысячам мужчин, способных нести военную службу, в зависимости от предположения, что для выполнения производственных работ и для защиты имущества, в случае выступления всего союза племен, осталась одна треть или половина мужчин, способных нести войну. Картина деления примитивных народов по возрастам показывает, что число боеспособных мужчин составляет у них одну пятую — одну седьмую часть всего населения. Итак, самое меньшее число населения, предполагаемое на этом основании, может составлять 100 000 человек ($20\ 000 \times 5$), а самое большое — 280 000 ($40\ 000 \times 7$), и ни в коем случае не 500 тысяч, как иногда предполагают. По сравнению с условиями кочевых пастушеских народов, достаточно велико и стотысячное число. Согласно одному византийскому источнику, число аваров в то время, когда они просили от византийцев землю для оседания, составляло 20 тысяч, число-же тюрков, поселившихся

* По Константину Багрянородному (ук. соч. стр. 174), кабары были три племени казар, присоединившиеся к венграм. Это присоединение произошло в время пребывания венгров в Лебедии (где-то по северному побережью Черного моря) в первой половине столетия.

в Болгарии, по предположениям составляло 30—50 тысяч. 100—200 тысячное число населения, даже и из германских племен, стоявших на более высоком уровне развития, достигли лишь наиболее численные, так союзы племен бургундов, вандалов, западных и восточных готов.

Однако, имеется одно обстоятельство, которое может служить точкой опоры при оценке вышеуказанных чисел. Является фактом то, что после занятия венграми исторической территории Венгрии, славянское население во всех местностях, где оно жило вместе с венграми, переняло венгерский язык. Из этого следует, что венгерский народ количественно превосходил славянское население этой территории. А с помощью довольно верной оценки, мы можем получить самое меньшее, но вероятное число славянского населения, находившееся ко времени поселения венгров в Трансданубии.⁵ Густота населения германцев, оседшего пастушеского народа, населявшего полосу лиственных лесов и занимавшегося довольно развитым земледелием, обрабатывая землю плугами, во времена Тацита принимается в общем в 4—5 человек на один кв. километр. Этого степени густоты при благоприятных условиях, по всей вероятности могли достичь и задунайские славяне IX столетия, обрабатывавшие землю уже с помощью плугов. (Густота населения германских народов в те времена принимается вообще в 10 человек на один кв. километр). Территория Трансданубии составляет припл. 45 тысяч кв. километров. Таким образом, считая по 4—5 человек на один кв. километр, все население этой местности может составить 180—225 тысяч человек. Однако, учитывая последствия, связанные с занятием страны и предшествовавшие этому события, в результате которых погибла часть народа, возьмем лишь половину этого числа, т. е. 90—110 тысяч, или круглым числом 100 тысяч человек. Согласно вышеизложенному, это число должно было превзойти число венгров, занявших только Трансданубию; таким образом число всех венгров доходило до 200 тысяч человек, т. е. равно среднему числу между двумя предельными цифрами, выведенными из упомянутых 20 тысяч всадников.

Итак, мы должны установить, что число занимавших страну венгров, в сравнении со способом производства, было необычайно

⁵ Как здесь, так и вообще во всех вопросах, касающихся занятия венграми исторической территории Венгрии, можно оставить без внимания не-славянские элементы населения. Эти элементы могли быть лишь незначительными группами отдельных народов и ни в коем случае не имели влияния на развитие венгерских общественных отношений. Император Константин, говоря о жителях Венгрии этого времени, даже и не упоминает о другом населении, кроме славян (моравских славян).

велико. Созданию такого большого скопления в кочевом пастушском мире должны были содействовать исключительные, неизвестные нам обстоятельства. И то, что в разрез с общими правилами, действительными для пастушеских народов, покоряющих крестьянские народы, венгры-завоеватели не исчезли в массе побежденных, а, наоборот, всосали в себя побежденный народ, показывает, что перед нами действительно исключительный случай.

Примем число занимающих страну венгров лишь в 160 тысяч и предположим, что в Трансданубии поселилась лишь $\frac{3}{4}$ всего народа (а не $\frac{5}{6}$, как это можно считать, исходя из данных XIII—XIV столетий), т. е. 120 тысяч человек. Это самое меньшее число, которое мы можем предположить при данных условиях. Если бы в их распоряжении была вся территория Трансданубии, то, она могла бы быть достаточна. Благоприятные природные условия допускают для кочевых пастушеских народов и густоту населения в 2—3 человека на один кв. километр. Трансданубия с территорией в 45 тысяч кв. метров могла бы дать достаточно места для 120 тысяч кочевых пастухов. Но часть этой территории, около 15—20 тысяч кв. километров, занимала стотысячная масса славянских крестьян. Венгерские роды не могли выгнать их оттуда и не могли и уничтожить их. Их земля перешла в частную собственность венгерских начальников, а они сами, как налогоплательщики и рабочий народ, попали под их защиту. Оставшиеся 25—30 тысяч кв. километров земли, перешедшие в общественную собственность родов, не могли обеспечить нормальное пропитание для 120 тысяч кочевых пастухов. (По Гардези, венгры до занятия исторической территории Венгрии, жили в Леvedии на территории в 300 тысяч кв. километров, а, согласно одной персидской географии X столетия, на территории в 460 тысяч кв. километров.) Производительные силы пастухов-кочевников недостаточно развиты для содержания 4—5 человек на одном кв. километре. Таким образом, система частной собственности, осуществленная в пользу начальников на земле покоренных славян, и вместе с этим, стремление начальников к экспроприации общественных земель и к обложению членов рода налогами, довели венгерские роды до критического материального положения. И их положение должно было быть тем более критическим, чем более превосходило число осевших в Трансданубии венгров взятое за основу их самое меньшее число в 120 тысяч человек.

Из этого кризиса венгерский народ могло бы вывести развитие производительных сил: переход к земледелию при обработке земли плугами или, по крайней мере, существенное расширение земледелия. Но пастухи, привыкшие к легкой работе малоинтенсивного скотоводства, не переходят на тяжелую работу обработки земель до тех

пор, пока представляется другая возможность. Итак, те, кто был вытеснен из традиционной сферы труда, оставил производительный труд и искал пропитание на военной службе. Часть их поступила на службу иностранных держав. В X столетии венгерские отряды можно найти на службе у византийского императора, у киевского князя, у венецианцев, у полабских славян. (Из византийских источников мы знаем также и о регулярных эмигрантах, поселившихся окончательно на Балканском полуострове. У Анонима (гл. 45.) они фигурируют, как „венгры Чабы“. (Чаба — сын Аттилы, короля гуннов.) Другая их часть поступила в военные дружины венгерских начальников, особенно самых богатых из них, начальников племен, еще более увеличивая число зависимых элементов общества. Однако, вследствие этого, военные дружины настолько разрослись, что начальники не могли содержать их, несмотря на то, что благодаря дани, получаемой от покоренных славян, их экономическая сила по сравнению с прошлым возросла. Таким образом, начальники, в первую очередь начальники племен, были вынуждены с помощью регулярных разбойничьих набегов приобретать рабочую силу, необходимую для содержания их военных дружин. (Эти разбойничьи набеги были направлены, главным образом, на лежащую на запад от них территорию, на феодальную Европу. В этих набегах князья играли небольшую роль, вероятно потому, что, владея большей частью славянских комитатов, они имели достаточную материальную силу для содержания своей увеличившейся дружины.) Так как захваченные рабы использовались прежде всего в земледелии, то разбойничьи набеги также влекли за собой развитие производительных сил страны, но в такой форме, что тяжелую работу земледелия вместо венгров и на счет венгров, поступивших в дружины начальников, выполняла захваченная чужеземная рабочая сила.

Разбойничьи набеги пастухов-кочевников обычно не нуждаются в объяснении. Естественно, что они еще менее нуждаются в таких наивных оправданиях, которыми оправдывает иногда наша историческая литература венгерские разбойничьи набеги, совершенные после занятия исторической территории страны. (Например, утверждают, что эти набеги, собственно говоря, имели целью географическую и политическую разведку новой среды или служили целям широкой международной политики.) Захватнические войны принадлежат к регулярной жизненной деятельности пастушеских обществ. Но венгерские захватнические войны X столетия были не простыми, в историческом отношении незначительными, пограничными грабежами, являющимися повседневными явлениями у пастушеских народов. Постоянное повторение их в широком масштабе и на боль-

шой территории, вследствие чего они стали важными событиями в истории Европы — 43 похода за несколько десятилетий после занятия территории Венгрии, в которых выступали очень значительные для тогдашних условий войска, достигавшие и 5 тысяч человек, доходившие иногда даже до берегов Атлантического океана — требуют особого объяснения. Специфическую причину имели также и норманнские разбойничьи походы IX столетия: с развитием классовых различий создавалась центральная власть, экспроприировавшая общинные земли и затруднившая этим пропитание пастухов. Специфической причиной германских разбойничьих походов против римской империи было также давление населения, число которого при данном способе производства и феодализирующихся общественных условиях, слишком увеличилось на его территории. Специфической причиной венгерских захватнических войн X в. было то, что территория, перешедшая в руки венгерского народа при занятии территории Венгрии, вследствие частной собственности начальников и их экспансии, была недостаточна для пропитания населения. Или же более обобщенно: так же как и в случае норманнов и германцев, нападающих на Рим, причиной их захватнических войн был кризис, сопровождавший в формирующемся классовом обществе переход от пастушеской жизни к земледельческой. (Венгерские разбойничьи набеги разыгрывались не осенью, в мертвый сезон кочевой пастушеской жизни, как обычные разбойничьи авантюры пастушеских народов, а начинались весной. Это также показывает, что в них принимали участие не производительные, а вытесненные из производства люди.)

Но захватнические войны не могли разрешить кризиса. Они лишь временно облегчали положение, складывая бремя земледельческой работы с венгерского народа на захваченную чужую рабочую силу и приносили результат только до тех пор, пока противником была Европа, погрузившаяся в крайне-феодалную анархию. Однако, в силу закона, в феодальном обществе периоды анархического распада и укрепления центральной власти сменяют друг друга. Лишь только в Германии в середине X столетия укрепилась центральная власть, венгерские войска должны были сложить оружие перед более развитой немецкой военной техникой. Тем более, что венгры, в противоположность феодальной Германии, жили в шаткой и расчлененной родовой организации. Поворот произошел во времени аугсбургского (Лехфельд) сражения (955 г.), после которого Лиутпранд, бывший на службе у немецкого короля писал: „Тот народ“ — т. е. венгры — „жестокость которого испытали до сих пор все нации, теперь в страхе не смеет даже пошевелиться“. Вскоре

после этого укрепление византийского государства преградило путь разбойничьим набегам и на Балканы.

Все же разбойничьи походы были значительным общественным событием своей эпохи, первой половины X столетия. Наряду с развитием производительных сил страны, происходящим главным образом, благодаря ввезенной чужой рабочей силе, и также тому, что новые слои венгерского общества попали в личную зависимость, дальше возрастала экономическая и военная мощь и вместе с этим и власть начальников, в первую очередь, начальников племен. Но власть начальников племен укреплялась не только вынужденными поступить в их дружины и свободными венграми, подчиненными им экономически. Захваченные ими военнопленные также увеличивали число работающего, главным образом, на них народа. Но главное изменение заключалось в том, что слуги и покоренное славянское население, новая часть попавших в зависимость свободных венгров и приобретенные в набегам рабы, итак те слои, труд которых, на основании частной собственности на средства производства и на землю и на основании личной зависимости принадлежащих к этим слоям людей, экспроприировал другой слой, совместно уже имели в обществе решающий вес. Епископ Пильгрим* по всей вероятности преувеличивал, утверждая в 974 г., что число рабов, приобретенных только в разбойничьих набегам, составляло большинство народа. Большинство народа, венгров и не венгров, могло состоять и из независимых производителей. Но, во всяком случае, число эксплуатируемых настолько возросло, что шаткая родовая организация уже не могла сдерживать их.

Это закономерно исходило из условий развития классовых отношений. Увеличение перешедшего в частную собственность скота, уже до занятия страны, создало слой слуг при богатых начальниках. Опирающиеся на своих слуг начальники против интересов родов добились того, чтобы славянское население осталось на своей земле и работало на них в качестве крепостных, в связи с чем подчиненный класс увеличился новыми элементами и была создана барская частная собственность на землю. Недостаточность земли перешедшей в руки родов, вызывая разбойничьи набеги, привела к тому, что подчиненный класс вместе с захваченными на войне невольниками стал решающим фактором общественного развития.

* Пильгрим, епископ г. Пассау, чтобы доказать юрисдикцию своей епархии на территориях, заселенных венграми, подделывал несколько грамот. Но эти подделки сохраняли и подлинные факты. Так вышеупомянутое письмо (выдано Н. Marczali, *Enchiridion fontium historiae Hungarorum*. Будапешт, 1902. стр. 57—61) приведет интересные данные о положении современной ему Венгрии.

В связи с этим, распределение общественной работы, на основании приобретённой производительной силы, поднялось на высшую степень. Начальники, их приближенные, комитатские служащие и другие разбогатевшие в ходе занятия страны и в разбойничьих набегах элементы — господствующий класс и находящиеся непосредственно на его содержании придатки — экспроприировавшие труд подчиненного класса, полностью выпали из непосредственного производительного труда. Сфера их деятельности ограничивалась руководством общества, военной службой, руководством производственной работой. Необходимую для их содержания работу выполнял полностью подчиненный класс: покороенные славяне, захваченные военнопленные и прочие слуги, которые были для этого способны вследствие производительных сил запашного земледелия. Слуги и трудящиеся свободные элементы венгерских родов, как непосредственные производители, стояли против объединенного в господствовавшем классе и его придатке военного-чиновнического руководящего слоя.

Однако, сам недостаток земли не только сохранился, но еще более увеличился, так как площадь пастбищ пастушеских родов сократили теперь пашенные земли военнопленных землевладельцев.

Итак, эта эпоха не разрешила задачу, содержание которой — разбойничьи набеги — она определила. Наоборот, она поставила на повестку дня новую задачу: общественную организацию общества надо было приспособить к сложившейся классовой структуре. Таким образом, экономический кризис общества был началом эпохи политического кризиса.

Сам экономический кризис около середины X столетия смягчился. Внешние события, по всей вероятности, уничтожение государства печенегов, сделали возможным колонизацию Восточной Венгрии. Это до некоторой степени снизило чрезмерную густоту населения Трансданубии. Но экстенсивное распространение общества лишь в небольшой степени могло дополнить его интенсивное развитие. Восточная Венгрия также не была необитаемой территорией и здесь осталось коренное население, которое стало выплачивать дань венгерским начальникам. Таким образом, для пастушеских элементов общества вместимость восточных местностей была сильно ограничена тем более, что в Венгрии чем дальше на восток, тем более ухудшаются природные условия скотоводства. Средства коренного разрешения экономического кризиса фактически создал лишь вспыхнувший политический кризис.

2. СОЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВА

Политический кризис вспыхнул в борьбе за власть между князем и начальниками племен. В первой половине X столетия противоречия между ними могли проявиться скорее лишь в трениях, так как князья в те времена были заняты, в первую очередь, объединением своего славянского населения в более тесной организации, а начальники племен — организацией и руководством разбойничьих набегов. Вероятно, что славянские комитаты, перешедшие во владение князя, к середине X столетия потеряли свое самоуправление и во главе их были поставлены назначенные из дружин князей „ишпаны“. (Среди „ишпанов“ были также и славяне. Закон Иштвана I, упоминая о слуге, поставленном во главе ишпанского двора, говорит о таких славянских „ишпанах“.) Можно предположить и то, что для центральной администрации комитатов (и придворного хозяйства) уже тогда была создана специальная организация во главе с наместником (pádog), как главным служащим, по образцу славянского государства Прибины. Так строго управляемые славянские войска крепостей могли представлять в армии князя значительную силу наряду с возросшей дружиной. Но, по сравнению с прошлым, возросла также и военная сила начальников племен, не только вследствие увеличения их дружин, но и благодаря захваченным в разбойничьих набегах военнопленным, которых можно было вооружить. Что касается их дружин, то в легенде Геллерта* об Айтоне прямо говорится, что он имел большее число витязей, чем князь Иштван. А аббат Регино пишет о рабах, что венгры с большой заботливостью обучали их верховой езде и стрельбе из лука. И начальники племен, выставляя себя по отношению к князю защитниками свободной родовой организации, также собирали в свои лагеря роды, которые в восстановлении старого родового строя видели средство ликвидации экономического кризиса.

Однако, в эту борьбу вмешались и внешние силы. Вторая половина X и первая половина XI столетий были эпохой усиления

* Самое лучшее издание легенды св. Геллерта см. *Scriptores Rerum Hungaricarum*. Под. ред. E. Szentpétery т. II. Будапешт, 1938. стр. 471—506.

мощи Германии, на основании укрепления центрального правления. Во второй половине X столетия немецкие короли подчинили себе большую часть Италии вместе с папством, и дальнейшей целью наметили порабощение соседних языческих народов, в том числе и венгров. Их лозунг был: распространение христианства. Но по следам христианских миссионеров шли феодальные немецкие рыцари с целью превращения миссионерской территории в территорию немецкой колонизации. В Чехии и Польше появились немецкие рыцари. И немецкие рыцари, победой на „Лехфельд“, окончательно вытеснили венгров в 955 году из Германии, а спустя несколько десятилетий были уже как у себя дома в Венгрии князя Гезы, принявшего христианство и поклонявшегося немецкому императору. Геза женил своего сына на немке и, волей-неволей „был благосклонным и щедрым по отношению к иностранцам и, особенно к христианам“.

На другой стороне укреплялась Византия, покорившая во второй половине X столетия Болгарию и продвинувшая в короткое время свои границы до линии Дунай-Сава. Отсюда также шли в Венгрию миссионеры, передовые отряды солдат, но в то время, как немецкий удар обрушился на западные местности страны, византийское влияние проявилось в южных и восточных местностях. Дьюла и „хорка“,* бывшие после князя главными чиновниками союза венгерских племен, приняли византийское христианство и даже стали патрициями Византии.

В борьбе между князьями и начальниками племен князь опирался на немецких рыцарей, а часть начальников на помощь Византии. В борьбе за власть обе стороны использовали иностранные силы и вместе с тем они сами являлись средством иностранных стремлений к власти. Эту борьбу в пользу князя разрешили иностранные силы. Войну против Коппаня, в результате которой князь Иштван захватил всю Трансданубию, создав тем самым основу мощи для победы над начальниками племен восточных частей, выиграли для Иштвана немецкие рыцари во главе с вассербургским Вецелином. Учредительная грамота монастыря в Панонхалме упоминает об этой войне, как о „большой стычке“ между венграми и немцами, а „Иллюстрированная Хроника“ подчеркивает, что „король поставлен над венграми по совету и с помощью немецких рыцарей“. Немецкий феодализм, изгнавший начальников венгерских племен из Германии, вторгся за ними в Венгрию и стал здесь решающим фактором борьбы,

* „Хорка“ вместе с „дьюлой“ были виднейшими начальниками союза венгерских племен на должности судей.

приведшей к уничтожению начальников племен и к развалу родовой организации венгерского народа.

Место родовой организации заняло государство. Государство ссздалось не сразу и не сразу заняло место родовой организации. Оно постепенно развивалось в недрах родовой организации и вместе с ней, начиная со времени пастушеской эпохи, и в конце концов вытеснило родовую организацию.

Некоторые элементы государственной жизни содержала в себе уже родовая организация пастушеской эпохи. Органы родового общества: родоначальник и члены его совета, представляющие общественную власть, и его вооруженная сила. Эта вооруженная сила уже в пастушеской эпохе отделилась от родового общества. Общественная власть в сущности совпадала с частной властью самого богатого начальника и богатых членов совета. Уже в эти времена они использовали свою власть для подчинения сформировывающегося подчиненного класса.

Покорившееся славянское население, уже имевшее государственную организацию, в результате занятия территории страны, попало под власть не всего венгерского народа, а лишь венгерских начальников, на основании их частной власти. Правда, после раздела покорившихся славян между венгерскими начальниками, славянская государственная организация распалась, но в низших органах она осталась невредимой. И дальше существовали славянские комитаты с их чиновниками, от „ишпана“ через „сотников“ и „десятников“ до „приставов“, с их витязями, тюрьмами и другими учреждениями. Но будучи первоначально средствами славянского господствующего класса для угнетения славянского подчиненного класса, теперь они служили эксплуатации славянского подчиненного класса в пользу нового господствующего класса, в пользу венгерских начальников. Рядом с ними стояла, по форме не затронутая, родовая организация победившего венгерского общества. Однако, народ, угнетающий другой народ, и сам не может долго сохранить свою свободу. Переход части славянского государства во владение венгерских начальников настолько укрепил их власть, что они уже во времена, следовавшие непосредственно за занятием страны, приступили к подчинению себе свободных родичей. Из славянских местностей государства классовые отношения перешли в венгерскую родовую организацию.

В первой половине X столетия обострилось классовое деление венгеро-славянского общества, частью вследствие злоупотребления начальниками своей властью, но, особенно, как последствие разбойничьих набегов. В то же время князь объединил попавшие в его

владение части славянского государства, славянские комитаты, в тесно концентрированной организации, восстановив на находящихся в его владении славянских территориях прежнее единство распавшегося на куски славянского государства, поставив вновь во главе этого единства своего наместника (nádor).⁶ Таким образом, по форме, государство было готово, но, как организация власти, оно распространялось только на славянское население князя, в то время, как общество, несмотря на обострение классовых отношений, продолжало жить в форме родовой организации. В последующей эпохе форма государства выросла на организм всего общества, сбросив с него форму родовой организации.

Наша историческая литература, в противоположность выше-сказанному, учит, что венгерское государство создано путем перенятия франко-баварской государственной организации, без предшествовавших организационных событий. Но общественные формы не создаются из ничего. В окончательном развитии венгерского государства франко-баварская государственная организация могла играть лишь роль, самое большое, образца при строительстве славянского государства Прибины, бывшего основой венгерского государства.

Венгерское государство полностью сформировалось за десятилетия, непосредственно предшествовавшие и непосредственно следовавшие за 1000 годом. На основной территории венгров, в Трансданубии, уже князь Геза уничтожил власть начальников племен и сломил силу родовой организации. Вспыхнувшее позже восстание Коппаня относится уже к ряду восстаний против нового строя. Подробности этой борьбы неизвестны. Но немецкая хроника (Тьетмар) описывает князя Гезу, как „весьма жестокого человека“, который „во вспышке убил многих людей“ и „строго наказывал сопротивлявшихся ему подданных“. В легенде о св. Иштване (legenda maior*) говорится, что Геза „сурово и произвольно обращался со своим народом“ в то время, как по отношению к иностранцам он был благосклонен и щедр. Епископ Гартвик описывает его кровавым властителем, который в связи с совершенными им кровопролитиями стал недостойн того, чтобы начало господства христианства было связано с его именем. И, наконец, Бонфини прямо говорит о том, что Геза принудил венгров вести борьбу против внутреннего врага.

⁶ Об этой организаторской работе, приписывая ее князю Гезе, упоминает итальянец Ранзанус, написавший венгерскую главу своей исторической работы в XV столетии по венгерским источникам. По его словам, Геза разместил свои силы по всей стране на нужных местах.

* Самое лучшее издание трех легенды св. Иштвана (legenda maior, legenda minor, legenda Hartvico episcopo conscripta) см. Scriptores Rerum Hungaricarum. т. II. стр. 365—440.

Жертвой кровопролитий, жестокости и произвола Гезы, начатых им внутренних войн были задунайские начальники племен, их сторонники и члены тамошних родов, в борьбе против которых, по Реймхронике* и Бонфини,** он опирался на немецкую помощь, а, по Братиславской хронике,*** — на немецких рыцарей Гунта (Хонт) и Пазнана (Пазман). Из утверждений Кезаи и других источников о том, что титул короля принял уже Геза, который, между прочим, и за границей считался королем Венгрии, выясняется, что эта борьба была успешной. После подавления восстания Коппаня, князь Иштван, сын Гезы, вел победоносный поход против начальников племен и против родов в восточных частях страны — причем возможно, что он подчинил себе и те части Венгрии, которые до тех пор находились в руках иностранных держав. Победившие Геза и Иштван конфисковали салвянские комитаты, находившиеся в собственности побежденных начальников племен и родов, и другие славянские земли, часть их населения и присоединили территорию к своим комитатам, распространив, таким образом, свою государственную организацию на всю тогдашнюю Венгрию. Одновременно с этим они экспроприировали земли, являвшиеся собственностью отдельных племен и всего союза племен.

* Самое лучшее издание „Реймхроники“ см. *Scriptores Rerum Hungaricarum*. Т. II.

** Сочинение А. Бонфини „*Rerum Hungaricarum decades quattuor*“ было издано несколько раз начиная с первым изданием 1543 г.

*** Братиславска хроника в *Scriptores Rerum Hungaricarum*. Т. II.

3. ПОЛОЖЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ СВОБОДНЫХ ЛЮДЕЙ В ГОСУДАРСТВЕ

Основным важным вопросом является то, в какое положение попали свободные венгры, трудящиеся, свободные родичи после развала родовой организации. Правда, наши историки занимаются этим вопросом — хотя и не считают его центральным вопросом — но их решения нельзя считать удовлетворительными. Например, очевидно, что утверждение Балинта Хомана* о том, что в общественном строе времен князя Иштвана свободными людьми были крестьяне, ведущие хозяйство на земле короля или крепостей, не является разрешением вопроса. Остается открытым вопрос: каким образом попали эти свободные люди с их родовых поместий на земли короля. И, если Ференц Экхардт** ищет ответ на этот вопрос в том, что естественное размножение свободных людей принудило их поселиться в поместьях королей, которые, вследствие экспроприации и конфискации, занимали большую часть территории страны, то мы увидим, что это решение, исходящее из власти над землей, над вещами, а не над людьми, неправильно. Вообще ошибочны все попытки разрешить этот вопрос резко противопоставляя свободных людей, попавших под власть короля или других помещиков, группе оставшихся независимыми, свободными „мелкими хозяевами“, группе трудящихся свободных родов.

Геца и Иштван ликвидировали родовую организацию путем военных походов, и с помощью вооруженной силы одержали победу над трудящимися членами родов, защищавшими старый строй. Трудящиеся свободные люди попадали в ряд побежденных и в том случае, если они не следовали за своими начальниками в борьбе против князя, также и в том случае, если их начальники присоединились к князю в его войне за организацию государства, так как в результате ее они потеряли защиту, которой являлась для них родовая организация, и, таким образом, были выданы победившему

* *Hóman B. — Szekfü Gy, Magyar történet* (Венгерская история). 2-ое изд. т. стр. 218—219.

** *Eckhart Ferenc, Magyar alkotmány és jogtörténet* (История конституции и права Венгрии). Будапешт. 1941, стр. 21 и след.

князю. Так трудящиеся свободные люди все, как один, попали в положение побежденных.

По „Иллюстрированной Хронике“, все те „благородные венгры, которые были сторонниками Коппая и презирали христианство и веру, были ввержены в позорное рабство“. Не взирая на то, что другие источники говорят об этом иначе, в случае Коппая речь идет о таких побежденных, которые восстали против государственного строя. Таким образом, слова „Иллюстрированной Хроники“ не могут быть авторитетными при разрешении вопроса о том, в какое положение попали вообще трудящиеся свободные люди в сложившемся государственном строе. И независимо от „Иллюстрированной Хроники“ можно предположить, что некоторые свободные люди в результате войн за организацию государства попали в рабское положение. Но обращение в рабов не могло быть широко применяемым мероприятием. Это исключается той массовой ролью, которую играли простые свободные люди в уже сложившемся государственном строе.

Победа на войне всегда ведет к тому, что „плоды труда“ побежденных, или часть их, в какой-либо форме попадает в руки победителя, обеспечивающего для себя, в том или ином размере, власть над рабочей силой побежденных. Так происходило при ранних походах венгерских начальников, как в войнах пастушеской эпохи, так и при занятии территории Венгрии, так и в последующих за этим разбойничьих набегах. Но захват рабочей силы в войне не сопровождается в силу необходимости лишением побежденных свободы. Они могут сохранить свою свободу в том смысле, что обязаны лишь выполнять наложенные на них определенные обязательства, а в остальном, принципиально, свободно распоряжаются своей рабочей силой, реализуют ее по своему усмотрению. В установленном государственном строе трудящиеся свободные люди в общем и целом и непосредственно попали в такое положение. Они попали в отношение личной зависимости от победившего князя, но в остальном, в вышеуказанном смысле, сохранили свою свободу.

45 статья I закона короля Кальмана содержит распоряжение о том населении крепостей (*civiles hebdomadarii*), которые „свободны не от короля, но от самих солдат крепостей (*liber non a rege, sed ab ipsis civibus*)“. Согласно закону, это население крепостей обязано платить королю налог в 8 динаров. Здесь мы, в вышеуказанном смысле, находим определение свободы простых свободных людей. Они были свободны от солдат крепостей и от других, свободно могли вступать в ряды населения крепостей, но не были свободны от самого короля, которому, на основании личной зависимости, должны были платить налог.

Из 22 статьи I закона короля Иштвана* (цитируя по разделению адмонтского кодекса), в которой говорится о вверженных в рабство свободных людях, выясняется, что короли считали свободных людей предметом личного имущества, источником своих доходов. Эта статья закона запрещает ишпанам и витязям ввергать свободных людей в рабство. Однако, в случае несоблюдения ими этого распоряжения, они были обязаны лишь платить королю выкуп за свободных людей. Сумма выкупа равнялась сумме, установленной 21 статьей этого же закона, которую должны были платить лица, противозаконно освободившие чужих слуг или нанесшие ущерб собственности другого человека, незаконно присвоив его слуг. Наименьшая сумма этого равна цене 12 бычков, или 12 византийским золотым монетам, или же 3 серебрянным маркам, что было тогда обычной ценой одного невольника. Итак, король, в случае ввержения в рабство свободных людей, получал обычную обратную цену зависимой рабочей силы, т. е. претендовал на такое же возмещение, как кто бы то ни было, от кого незаконно была отнята зависимая рабочая сила.

Запрещая ввержение в рабство свободных людей, короли защищали не права свободных людей, а свое имущественное право на свободных людей. Король Иштван оставил свободных людей в рабстве, обеспечив себе только получение их отвлеченной имущественной стоимости, и, если рабы получали обратно свою свободу, не наказывал поработивших их, т. к. прекращался ущерб, нанесенный его имущественному праву (22 ст. I закона). Иштван не заботился о том, как обращались помещики с попавшими к ним свободными людьми: „они могут обращаться с ними, как им угодно“, говорится в 30 статье I закона, „однако же их свобода должна остаться неприкосновенной“ — ибо, неприкосновенность их свободы являлась предпосылкой имущественного права короля на них. Короли всячески старались сохранить это имущественное право. Король Кальман в 45 статье I закона вынужден был отказаться от налога в динарах по отношению к тем свободным людям, которые уже находились на службе какого-либо помещика (80 статья этого же закона еще предписывает налог на свободных людей, работающих на чужой земле). Но короли и дальше взыскивали с них этот налог, т. к. король в 3-ей статье Золотой Буллы, больше, чем сто лет спустя, вновь обещает, что в поместьях витязей (*servientes*) будет запрещен налог

* Законы королей Иштвана, Ласло и Кальмана см. *Závodszy Levente, A Szent István, Szent László és Kálmán korabeli törvények és zsinati határozatok forrásai* (Источники законов и соборных уложений из времен королей Иштвана, Ласло и Кальмана) Будапешт, 1904. Приложение. стр. 129—209.

в динарах. В соответствии с этим, короли и дальше запрещали порабощать свободных людей. Так в учредительной грамоте дёмёшского (Dömös) аббатства (пробства) от 1138 года* в поместьях аббатства запрещается переводить свободных людей в ряд слуг. Защита свободы королями потеряла свое значение лишь в XIII столетии, когда они стремились уже к систематическому обложению налогами населения частных поместий, т. е. стремились включить в свою имущественную сферу всех лиц, находившихся под властью помещиков, не взирая на то, свободные они или нет.

Одним из королевских налогов, лежавших на свободных людях, был годовой налог в динарах, фигурировавший в законе короля Кальмана, как древнее учреждение. Свободные люди платили налог не потому, что короли защищали их свободу, а король защищал их свободу потому, что они платили ему налог. Свободные люди платили королю налог потому, что они лично зависели от него, а не потому, что король был представителем государства. В ту эпоху, которая знала государство, но не знала понятие государства, основанием платы налога могла быть только личная зависимость. Так и несомненный факт королевских налогов является доказательством личной зависимости свободных людей от короля.

Сумма годового налога, установленная в 8 динаров серебром; во времена Кальмана соответствовала приблизительно цене одной овцы. Таким образом, эта сумма не представляла большой ценности, но уплата ее все же сопровождалась трудностями, т. к. при господствовавшем натуральном хозяйстве, при неразвитости рынка не легко было найти покупателя, платящего серебром, и приобрести необходимые для уплаты налога серебрянные динары. Из 45 статьи I закона Кальмана видно, что некоторые свободные люди были обязаны предоставлять проезжающему через их местность королю лошадей, повозки и выполнять определенные работы (взамен чего они платили налог лишь в 4 динара). В Золотой Булле* король отказывается от своего права расквартировывать своих людей в поместьях витязей (*servientes*). Короли и их приближенные по всей вероятности пользовались этим правом и связанными с ним поставками продовольствия по отношению к простым свободным людям,

* Самое лучшее издание жалованной грамоты *Szabó Dénes*, A dömösi prépostság adománylevele (Жалованная грамота дёмёшского пробства). „Magyar Nyelv“ 1936. стр. 54—57, 130—135, 203—206. В связи с изданиями и критикой цитированных грамот см. *Szentpétery Imre*, Az Árpád-házi királyok okleveleinek kritikai jegyzéke (Критический список грамот королей из дома Арпада). Будапешт, 1923.

* Издания варианта 1222 г. см. в критическом списке I. *Szentpétery* стр. 125. Одно из самых последних изданий Н. *Marczali*, *Enchiridion fontium historiae Hungarorum*. Будапешт, 1902. стр. 134 и след.

занимающим более низшее общественное положение. Из закона 1231 года, согласно которому запрещается принуждать витязей и церковных людей на выполнение окопных, строительных работ и работ в мастерских, можно сделать вывод, что свободные люди также были обязаны выполнять для королей такие работы. А из 40 статьи закона Кальмана можно вывести заключение, что в случае войны свободные люди обязаны были давать „ишпанам“, как королевским чиновникам, лошадей и кроме того платить налог, составляющий вероятно уже значительную сумму. (В законе речь идет о таких „ишпанах“, которые собирали от живущих в их районах свободных людей налог в 100 пенз, т. е. сумму, соответствовавшую 100 византийским золотым монетам, за что можно было купить 100 бычков.) Все эти налоги и пошлины (к которым могли присоединяться и другие, нам неизвестные) сильно обременяли свободных людей, которые при родовой организации только по случаям выполняли поставки своим начальникам. Впрочем, такие поставки лежали на свободных людях после основания государства и в других странах, так у франков во времена Меровингов, или у чехов, или у русских времен Русской Правды.

Свободные люди на службе у королей несомненно были обязаны нести и военную службу, что также налагало материальное бремя. В эту эпоху побежденные оружием обязаны были всегда поставлять солдат в армию победителя, и что относилось к покорившимся венгерским начальникам славянам, то, по всей вероятности относилось и к подчинившимся королям свободным венграм. (Происхождение воинской повинности свободных людей не является какой-то коренящейся в племенной организации общей воинской повинностью. Подобного не знала свободная родовая организация пастушеской эпохи. Происхождением этой воинской повинности является подчинение с помощью оружия.) Способы выполнения этой воинской повинности мы можем представить себе на основании данных фрейзингского епископа Отто* середины XII столетия (Эти данные относятся непосредственно к воинской повинности деревенских „coloni“). Свободные люди во время войны должны были посылать в армию короля каждого десятого или восьмого человека с необходимым снаряжением.

Право короля относительно рабочей силы свободных людей было настолько широко, что он даже даровал их. (Русские князья также даровали помещикам свободных людей.) При этом король намечал обязательства свободных людей по отношению к подаро-

* *Ottonis, episcopi Frisingensis Chronica. Scriptorum Rerum Germanicarum in usum scholarium. 1912.*

ванным. Так, печварадское аббатство, согласно учредительной грамоте, получило 200 свободных витязей, т. е. 200 свободных людей, которые обязаны были служить аббатству как солдаты. Ласло I даровал ягерскому епископату пять притисских местностей, все жители которых были табунщиками, т. е., можно предположить, что они были свободными венграми. Подаренные свободные люди сохраняли свою свободу, в определенных случаях имели право оставить того, кому они были дарованы.

Короли вместе со свободными людьми даровали и землю, на которой они жили. Они дарили не землю с живущими на ней свободными людьми, а свободных людей вместе с занятой ими землей. Т. е., в таких случаях речь идет не о королевской земле, на которой поселились свободные люди, а о земле, которая первоначально была их собственностью и которую король вместе с живущими на ней свободными людьми вовлек в сферу своего распоряжения. Это такой же случай, какой мы видели уже в связи со славянскими комитами. Лицо, распоряжающееся рабочей силой населения, занимающего определенную территорию земли, посредством этого распоряжается и территорией, являющийся условием использования рабочей силы. Из 22 статьи Золотой Буллы, запрещающей против воли витязей пользоваться их лесами и лугами для выгона свиней короля, видно, что короли действительно распоряжались землей свободных людей. Итак, короли, согласно этому, имели исключительное право пользования на земли витязей и, тем более, на земли простых свободных людей.

Все это означает, что короли вместе со свободными людьми взяли в свою собственность и их земли. Подобную экспроприацию земли можно встретить в связи с основанием государства и в других странах, например, в Норвегии, где король Гарольд Красивоволосый, наряду с экспроприацией общественных земель, считал своей собственностью и крестьянские земли, или же в малайских странах. Таким образом первоначальная земельная собственность короля, т. е. площадь славянских комитатов и придворных поместий, перешедших в руки князя при занятии страны, при основании государства увеличилась не только за счет конфискованных земель покоренных начальников славянских комитатов и экспроприированных земель отдельных племен и всего союза племен, как это предполагается, но и за счет земель, являвшихся собственностью отдельных родов. Короли экспроприировали и эти последние. Следовательно, короли

⁷ Учредительная грамота печварадского аббатства является фальсификацией, как и многие документы этой эпохи. Но и фальсифицированные документы отражают подлинные условия.

стали собственниками всей земельной площади страны, за исключением славянских поместий и родовых земель начальников и других богатых семей, воевавших на стороне королей в организующих государство войнах или же добровольно покорившихся ему, и, таким образом, избежавших конфискации их поместий. Эти земли (против дарованных королям) являются т. н. исконными вотчинами. Но они также приняли характер королевских пожалованных поместий, ибо их владельцы, при данных условиях власти, могли сохранить их только по милости короля. Итак, источником всякого права на землю стал король, который на основании этого стал главным собственником всех частных земель и этим и всей земли страны. Как устанавливает одна грамота XIII столетия — король „хозяин всех земель“.

Все это основано не на перенятии чужих правовых учреждений, а было непосредственным последствием развития венгерских общественных условий. Венгерские начальники уже до основания государства начали подчинять себе свободных людей, брать в свою частную собственность родовые земли, конфисковывать общие земли союза племен; короли продолжали, т. е. закончили их дело. Не надо было искать за границей образца для того, чтобы князь занял поместья побежденных начальников и пользовался правом собственника во всех частных поместьях. Это было естественным следствием его победы и его положения властелина. И само государство, в рамках которого довершилось развитие, было лишь продуктом развивавшихся классовых отношений.

Трудящиеся свободные люди в государстве стали слугами короля.⁸ Большая их часть не попала в положение подчиненного класса, т. к. в их личности они зависели лишь от короля, представителя государственной власти. Господствующий класс, захвативший в свои руки государственную власть, хотя и имел долю из их государственной эксплуатации, вообще эксплуатировал непосредственно подчиненный класс, состоявший по существу из чужих элементов, из покоренных славян и из захваченных невольников. Этот господствующий класс возник на основании раздела добычи, приобретенной во внутренних войнах.

⁸ Название „serviens regis“ — слуга короля, гораздо лучше подходит к ним, чем к зажиточным свободным людям, к которым оно позже применялось.

4. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Победивший князь делился добычей с руководящими членами своей дружины, так же, как его кочевые предшественники и занимавший страну князь с начальниками племен. Руководящие члены дружины получали часть конфискованного имущества покоренных начальников, их славянских и других слуг, их скота, земли вместе с дарованными свободными людьми и их землями в форме наследственного пожалованного имения.

Деlež доходов от комитатов и от придворного хозяйства происходил в форме временного служебного имения. Деlež распространялся здесь и на добычу, перешедшую в руки князя при занятии страны. Руководящие члены дружины, в качестве ишпанов-чиновников короля, получали долю также и из налогов, взыскиваемых с населения крепостей, из пошлины, из штрафов и из налогов свободных людей. Они отправляли личную власть короля над населением, в качестве его уполномоченных и отдавали часть земли и доходов комитатов славянским витязям комитатов, которых позже называли „*iobagiones castri*“.⁹

Так сложился помещичий-военный-чиновничий господствующий класс из руководителей дружин, а также из славянских комитатских витязей, в который влились не уничтоженные в ходе войн, присоединившиеся или покорившиеся князю семьи начальников и богатые семьи низшего ранга (эти последние являются предками королевских слуг, «*servientes regis*»), которые по примеру дружин принесли присягу на верность князю и, таким образом, могли сохранить свои имения. Король, в качестве властелина, был верховным членом этого господствующего класса и, одновременно, его ощущаемым олицетворением.

Что касается происхождения господствующего класса, то никакого значения не имеет то, что венгерская аристократия доводила свое происхождение до начальников времени занятия страны. Преобладающая часть венгров попала в высший слой господствующего

⁹ По закону короля Иштвана ишпаны получали долю и из налогов свободных людей; обращение последних в рабы нарушало и их имущественное право.

щего класса из дружины короля и большинство его венгерских членов было низшего происхождения. Большая часть семей начальников времени занятия страны вымерла в организующих государство войнах, а в борьбе между партиями пришли в упадок и оставшиеся. Доблестные предки повышают авторитет семьи, и поэтому обеспечивают их в том случае, если их даже и не было. Так обстоит дело и с легендой, согласно которой династия Арпада происходит от Аттилы. Некоторые историки, на основе ничем недоказанных пустых предположений, согласны считать эту легенду достоверной. Было время, когда в Азии каждый более значительный кочевой победитель утверждал о своем происхождении от Джингисхана.

Государство было организацией власти господствующего класса. Его назначением было сохранить существовавший строй, строй частной и государственной эксплуатации трудящихся против противоположных стремлений последних. (Происходящее из славянского языка слово „tend“ (строй) появилось в венгерском языке в эпоху основания государства.) Уже само ядро венгерского государства, славянское государство Прибины, было средством обуздания трудящихся. После занятия страны в своем расчлененном состоянии оно играло эту роль на руку венгерских начальников. В этой роли видим мы его вновь, когда после восстановления единства оно narosло на все венгерское общество. Таким образом, готовое государство появилось, как господствующая организация, отдельная от трудящихся и стоящая против них. Первоначальное венгерское слово „úrşág“, („uruszág“ — государство) в теперешней его форме „ország“, так же, как и русское слово „государство“, отражает сущность государства, указывая на господство.

Символом государственной власти у римлян был связка прутьев, привязанная к палке с мечом (*fascēs*). Владелец этого имел право бить прутком или даже обезглавливать своих соотечественников. В предисловии к I закону короля Кальмана меч объявляется символом венгерской государственной власти: „Ибо не без причины носит король меч. Он слуга бога, наказывающий его гневом злоумышленно поступающих, ибо князья... существуют для устрашения зла“. Меч, как символ государственной власти, символизирует существеннейший элемент государства, обособленные от трудящегося общества вооруженные силы. Задачей вооруженных сил является сохранение существующего строя, непосредственно выступая против нападений, а в остальном просто своим существованием заставить с уважением относиться к государственному правовому строю.

Государственный правовой строй, в соответствии с назначением государства, находился прежде всего на службе существовавшего

строю собственности и связанного с ним правящего строя. Из 35 статей I закона короля Иштвана 20 статей касаются защиты, обеспечения, урегулирования отношений собственности, из 15 статей II закона — 10 относится к собственности.

В связи с этим мы встречаемся и с таким мнением, что частную собственность ввел король Иштван. Это мнение в основе правильно, так как действительная частная собственность, т. е. та форма частной собственности, которая заключает в себе распоряжение чужим трудом и продуктом этого труда, власть над другими людьми, стала основным институтом общественного строя и производственных отношений в эпоху основания государства. Эта форма частной собственности, вместе с частной собственностью на скот, людей и их труд, появилась в пастушескую эпоху и уже тогда играла в обществе важную роль. Но большинство производителей в эту эпоху еще сохраняло свою материальную независимость. Однако, в эпоху основания государства в корне преобразовались производственные отношения общества. Рабочая сила производителей перешла в распоряжение короля и господствующего класса, стала их частной собственностью. Частная собственность на рабочую силу сплелась с частной собственностью на землю, которая появилась уже после занятия страны, и в эпоху основания государства, после экспроприации общих земель и стала общей формой собственности на землю. Государство, законы короля Иштвана, защищали, в первую очередь, эту двоякую господствующую форму частной собственности, ее олицетворения, королевские имения, дарованные поместья, церковные поместья, а не собственность на предметы личного пользования, которая одна едва ли нуждалась бы в защите.

Конечно, в новом строе собственности могла подвергнуться нападению и собственность на предметы личного пользования и потребления. Правда, воровство, на основании развивающихся имущественных противоречий, встречалось уже и в пастушескую эпоху. Однако, в государственном строе оно приняло широкие размеры, даже стало прямо общественным несчастьем. Короли и господствующий класс экспроприировали часть труда производителей, а оставшаяся часть не обеспечивала их нормального пропитания. Источники, говорящие о временах Бельи I (1060—1063), указывают на „обнищение и лишения народа“. Чего нельзя было приобрести с помощью труда, приобреталось путем кражи. Кражи все более распространялись и, в соответствии с этим, защита против воров занимала в сводах законов все большее место и одновременно с этим законы угрожали ворами все более строгим наказанием. Из 35 статей I закона короля Иштвана о краже — об этом, согласно закону

„ужасном“ (как оскорбляющем святыню собственность) деле — говорится в одной статье, из 15 статей его II закона — в двух статьях, из 28 статей закона короля Ласло — уже в 17 статьях, т. е. в процентах — 3,5, 14 и 61%. Что касается наказаний, то во времена короля Ласло, мы встречаем уже настоящее полевое законодательство: кража вещи, стоящей больше, чем одна курица или гусь, наказывалась смертной казнью (12 ст. II закона).

Государство создало уголовное право, как в следственной, так и в материальной части, в первую очередь, в защиту частной собственности. Вместе с государством появились судебные власти короля, наместника, государственного судьи, комитатских ишпанов, комитатских королевских судей, с их судебными помощниками и приставами. Тогда вошли в наш язык слова: *pecsét* (печать), *vádol* (обвиняет), *perel* (затекает процесс), *patvar* (перебранка), *szavatul* (ручается), которые указывают на отдельные фазы судебных процессов. Появились (уже в законах Иштвана) устрашающие, позорные наказания, бритье, заклеивание, арест, бичевание, избивание прутьями до крови, лишение руки, обрезывание носа, ушей, вырезывание языка, ослепление, продажа в неволю, повешение, и средства и органы приведения приговоров в исполнение, тюрьмы и, называемы тогда „тюрьмами“ палачи.

Варварство наказаний объясняется не варварством эпохи, а потребностями государственного строя, так же, как в сущности и сам институт наказания. В охотничью эпоху, в первобытно-коммунистических родах едва были известны преступления и наказания, но, если все же надо было наказывать, то самым строгим наказанием могло быть исключение из рода. Правда, в варварской пастушеской эпохе, при начале развития классовых отношений, надо было уже заботиться о системе наказаний за преступления, но наказания соответственно свободной организации общества, состояли вообще не в самом наказании, а в принуждении к имущественному возмещению. Следы этого можно найти еще и в государственной эпохе, так, например, в законе короля Иштвана, предусматривающем виру (т. е. возмещение за пролитую кровь). Правда, преступник мог быть продан и в неволю, но только в том случае, если он не мог уплатить имущественное возмещение и, таким образом, его должно было покрыть продажной ценой самого преступника. Подобное этому мы можем встретить и во времена Варади Регеструм (*Regestrum Vardiense*),* в первой половине XIII столетия. Однако, карательные наказания, так, как бичевание, играли роль лишь во время войны,

* *Karácsonyi J. — Borovszky, Regestrum Vardiense, examinum ferri candentis ordine chronologico digestum. Будапешт, 1903.*

как средство сохранения военной дисциплины. Подлинное уголовное право в пастушеском мире знает лишь классовое государство кочевых держав. И, как в кочевых пастушеских державах применялись варварские наказания для сдерживания подчиненного класса, так и венгерский государственный строй не мог обойтись без варварских карательных средств.

Вопрос о том, насколько распространялась юрисдикция ишпанов на свободных простых людей, т. е. на трудящихся свободных венгров в государственном аппарате короля Иштвана, является предметом старой полемики. Можно установить, что по отношению к свободным людям ишпан заботился о исполнении им государственных законов, так о применении уголовных законов, о сдаче церковной десятины, взыскивал с них динаровый налог, чрезвычайный военный налог, использовал их при выполнении общественных работ, пользовался правом останавливаться у них в домах и заставлял их отбывать воинскую службу. Таким образом, несомненно, что юрисдикция ишпанов широко распространялась на свободных людей.

Однако, за этим вопросом скрывается еще один, еще более существенный вопрос. А именно, вопрос о том, насколько распространялась государственная организация на свободных людей, как на производителей, насколько затрагивала она их свободу распоряжения своей рабочей силой и своим трудом. Ответ на это мы найдем в вышеизложенном. Свободные венгры не распоряжались своей рабочей силой с полной свободой, часть их труда экспроприировалась государством (т. е. организованным в нем господствующим классом), которое имело к тому же и право даровать их рабочую силу.

Итак, речь идет не только о государственном правовом отношении, о том, что ишпаны проявляли права властей по отношению к свободным людям, а и о той более глубоко коренившейся материальной взаимосвязи, что свободные венгры в государстве и посредством государства потеряли свободу своей рабочей силы. Если теперь рассмотрим вопрос в этой взаимосвязи, то выяснится и то, что связь свободных людей с ишпанами не была связью, в первую очередь, с представителем властей, а связью с экспроприатором их труда и с владельцем той силы, которая принуждала их отдавать свой труд. Ишпан получал свою долю из вносимого ими динарового налога, чрезвычайный военный налог выплачивался ему; если он останавливался у них, они кормили его, даже, как можно заключить из закона 1231 года, они выполняли непосредственные работы в мастерских ишпанов, на их постройках; выполнение всего этого обеспечивали вооруженные силы ишпанов.

История показывает государство в качестве защитника строя собственности. Так в 1113 году государство, через своих чиновников и свою вооруженную силу, оказало помощь зоборскому аббату, когда его рабочий народ, используя вторжение чехов, отказался выплатить барскую пошлину;* или в 1219 году аббату монастыря в Паннонхалме, когда свинопасы („gyüsznööv“ — свинопас на древневенгерском языке) шомодьского Железского леса „хотели порвать“ с аббатом и наместник подавил их восстание.** Так видим государственное уголовное право в действии в 1234 году, когда крепостные и батраки отказались выполнять поставки и работы, которые они обязаны были выполнить по судебному приговору.*** Государственный судья заставил водить главных виновников по базару с бритой головой, „чтобы все видели, какое наказание ожидает бунтующих против своего повелителя и ссорящихся с ним“.

Были также частные имения, непосредственно снабжаемые государством необходимой для их защиты вооруженной силой. Таково было печварадское аббатство, получившее, согласно учредительной грамоте, от короля 200 свободных витязей, чтобы „они с оружием в руках защищали монастырь, в случае, если в окрестностях вспыхнет бунт“.

Государство и его части были теснее связаны друг с другом, чем в родовой организации. Во времена последней, роды по существу были самостоятельными, самостоятельно, через свои органы, разрешали свои дела, и племенам или союзу племен было передано лишь ведение военных и внешних дел. Семьи внутри родов были также свободными. В государстве уменьшилась самостоятельность низших органов, комитатов, по отношению к центральной администрации. Последняя включила целый ряд дел в сферу своей деятельности. Законы короля Иштвана регулировали отношения в области собственности, отношения церкви ко всему населению, предусматривали наказание за воровство и т. д. Начальники комитатов занимали свой пост на основании уполномочия, получаемого от центра. Исполнители комитатских, общегосударственных законов различным образом вмешивались в жизнь семей, начиная с обложения их налогами, принуждения их к работе вплоть до установления постных дней. Свобода больших семей, как только началась эксплуатация их рабочей силы, в силу необходимости, прекратилась, т. к. экспроприацию

* Hazai Okmánytár (Codex diplomaticus patrius). т. VIII. Будапешт, 1891. стр. 2.

** A pannonhalmi főapátság története. (История главного аббатства в Паннонхалме.) Под. Ред. L. Erdélyi. Будапешт, 1902. стр. 645.

*** Там же стр. 726—727.

их труда могло обеспечить только насильственное урегулирование их жизненных условий.

Развитие классовых отношений сделало необходимым более тесное государственное объединение целого и частей. Разбросанные в частях элементы господствующего класса сами по себе уже не были достаточно сильны, чтобы лично обуздать эксплуатируемых трудящихся. Их господство могло сохраниться лишь с помощью центрально управляемой государственной власти, которая могла выступить сконцентрированной и организованной силой господствующего класса в том случае, если какой либо части существующему строю угрожала опасность.

Процесс, направленный на более тесное подчинение частей, начался уже в рамках родовой организации, параллельно с развитием классового характера общества. Высшие начальники уже после занятия страны стремились к более тесному подчинению себе низших начальников. Хотя они и повиновались в этом субъективным целям, то все же их стремление отвечало объективным потребностям развивавшегося классового общества.

5. ОРГАНИЗАЦИЯ ЦЕРКВИ

Классовый режим кроме государства не может обойтись и без церкви, без той организации, которая наряду с вооруженными силами дает идейные силы для его сохранения. Религия уже в пастушеском обществе первобытного времени с помощью запрета (tabu) была опорой скромных материальных привилегий князя и старейшин. В пастушескую эпоху они укрепляли авторитет владельцев имущества и власти, начиная от главы большой семьи через начальников родов вплоть до князя. Там, где религия, как, например, в Полинезии, развивалась дальше на первобытной основе, религиозные приказы, с развитием классовых отношений, были направлены уже определенно на защиту частной собственности и других институтов короля и классового строя, которые становятся неприкосновенными, „святыми и неуклонными“. Одновременно с этим священнослужители, занимавшиеся своей профессией самостоятельно и за свой счет, спланиваются в организацию и, таким образом, создается церковь, имеющая право объявлять вещи и институты запретными, соответственно своему назначению, тесно приспосабливается в создающееся государство. В Полинезии церковь развилась непосредственно из тайного религиозного союза богатых людей, в который входили и священнослужители и задачей которого было обуздывание невольников и женщин, т. е. угнетенных. Церковь, узаконивающую классовый строй, в качестве дополняющей или существенной части государства, можно найти в каждом полностью развившемся классовом обществе, как на полинезийских островах, так и в африканских негритянских государствах, и в Дахомее, и в государстве Инка.

Учения христианской церкви особенно пригодны для идейного обосновывания классового режима, несмотря на то, что первоначально христианство было религией рабов и угнетенных и даже именно по этой причине.

Религии, развившиеся на первобытной основе, в их первоначальной форме не содержали революционных элементов, так как они сложились в бесклассовом обществе. К требованиям варварского классового общества, в соответствии с характером общества, их применяли с варварской негибкостью. В полинезийском классовом обществе религиозные тезисы проводили резкую грань между господ-

ствующим и подчиненным классами. Членам первого обеспечивались многосторонние привилегии, на членов последнего налагались большие обязательства. Религиозные учения там не скрывали особенно своего общественного назначения: поддержку интересов господствующего класса, обуздывание подчиненного класса. Если в Полинезии был голод, то церковь, без всяких рассуждений, объявляла запретными свиней, домашнюю птицу, сохраняя их таким образом для господствующего класса. Такая церковь лишь в несовершенстве может служить целям классового общества, ибо в ее учениях и деятельности слишком проявляются эти цели. Такая церковь вообще не может удовлетворить требованиям классового общества, стоящего на более высоком уровне развития.

С другой стороны, христианская религия возникла в классовом обществе, как идеология подчиненного класса. Свои религиозные тезисы она должна была приспособлять к потребностям римского цивилизованного классового общества. Христианская церковь выполнила эту операцию с помощью развитых методов, которые соответствовали уровню развития общества. С точки зрения классовых отношений, религиозные тезисы христианской церкви гибкие, эластичные. В них продолжают жить и первоначальные революционные элементы учения. „Кто не работает, тот не должен есть... Земля дана одинаково, как богатым, так и бедным... Частное право возникло из присвоения...“, пишут книги христианской церкви. Согласно учениям христианской церкви все люди равны перед богом. Подчиненный класс считал христианскую религию и в ее церковной форме выражением своих стремлений, тем более, что церковные религиозные тезисы прямо давали ему лозунги в его борьбе против богатых, против господствующего класса. Это, конечно, было связано с опасностями, которые могли смягчиться лишь тем обстоятельством, что церковь старалась направить стремления подчиненного класса на путь осуществления его стремлений в потустороннем мире, на путь, ведущий „в обетованную землю“, в конечном этапе которого „первые будут последними, и последние — первыми“. Христианская церковь, в течение полторы тысячи лет, и в ее церковной процеженной форме, служила идейным оправданием революционной классовой борьбы. Но подчиненный класс, вследствие вышеизложенного, вообще принял руководство христианской церкви. А церковь, в то время, когда она как будто бы стояла на стороне подчиненного класса против господствующего класса, требовала от первого безусловного подчинения государству, организации власти господствующего класса, и защищаемый классовым государством институтам, классовому строю общества. „Право человека бог сообщает челове-

ческому роду через императоров и королей . . . Князь — слуга бога, чтобы выполнять его мечь . . . Все должны признавать первенство начальства . . . Всякая власть от бога, тот, кто противится властям, противится божьему строю. Рабы, повинуйтесь своим повелителям, даже если они плохие люди и злодеи . . .” Другими словами, христианская церковь объявила институты классового общества неприкосновенными, святыми и невредимыми, так же, как и варварская полинезийская церковь. Но, одновременно с этим, она дала и подчиненному классу, бедноте то, что принадлежит бедноте: признание человеческого достоинства, моральное осуждение богатых, обещание потустороннего мира. И именно вследствие этого она гораздо эффективнее, чем варварская полинезийская церковь, могла служить интересам классового общества.

Итак понятно, что классовое развитие обществ в Европе сопровождалось не преобразованием исконной религии, а перенятием христианской религии и ее церковной организации. Князья, представляя господствующий класс, наложили обручи государства на формирующееся классовое общество, осознали „сохраняющую государство силу христианской церковной организации“. Захват власти официальной христианской религией и церковь в средневековой Европе повсюду связан с развитием классового общества и, особенно, с обозначающим это основанием государства. Это обычно более или менее совпадает с последним, так у франков, датчан и норвежцев, у моравцев, чехов и поляков, или же подготавливает его, как у англосаксонцев. Его путь выравнивают всегда князья или члены господствующего класса, которые в ходе этого в большинстве случаев применяют насилие по отношению к обществу. Распространение христианства в обществах, живущих не в классовом государстве, так же связано с созданием классового государства путем завоевания, как это можно видеть в Германии при завоевании ее Каролингами.

В задунайском славянском обществе христианскую церковную организацию создал также основатель государства, Прибина. Эта славянская церковная организация является основой венгерской христианской церкви, венгерского христианства, также как и славянская государственная организация является основой венгерского государства. Это несомненно доказывают заимствованные слова, касающиеся христианской религиозной и церковной жизни, основной слой которых попал в венгерский язык из славянского языка и к тому же главным образом при посредничестве задунайского славянского духовенства.*

* В связи с заимствованными из славянских языках словами венгерского языка см. Melich János, Szlavj jövevényszavaink (Наши заимствованные славянские слова). Будапешт, 1903.

Руководящий слой венгров при занятии страны не изгнал славянское христианское духовенство, ибо он осознал пользу, которую оно может ему принести. (Так сохранялось, например, основанное в резиденции Прибины в Залаваре бенедиктинское аббатство и, по всей вероятности, церковь в Печ.) Эти попы учили, что всякая власть — от бога, и призывали покоренных славян к повиновению венгерским повелителям. Они, вероятно, проповедывали задунайским славянам то же самое, что проповедывал в те времена болгарским трудящимся паннонийский епископ Константин.

„Дорогие братья, получая такое наставление каждое воскресенье, если не каждый день, мы приобретем силу для выполнения работы на дворян, повысится наша оплата; и, окончив эту работу на дворянство и закончив богослужение, мы будем просить Бога, чтобы он сжалился над нами, пока не придет судить живых и мертвых“.

Укрепление этого учения среди венгров было в интересах венгерских начальников, приступивших после занятия страны к подчинению трудящихся венгров. Это было в их интересах и тогда, когда миссию по распространению христианства выполняли не только зависящие от них задунайские славянские священники, но и когда в этой миссии начали получать все большую роль и иностранные священники, пришедшие в страну в качестве аванпостов иностранных держав. Часть из них и сама приняла христианство, не только поддаваясь давлению из-за границы, но и для того, чтобы с большим авторитетом выступать против своего христианского трудящегося населения. Эти, конечно, содействовали миссионерской работе среди трудящегося народа. Но — по вышеуказанной причине — и оставшиеся язычниками венгерские начальники, как указывает епископ Пильгрим, не препятствовали деятельности христианских священников среди народа. Таким образом, христианство начало распространяться среди венгров уже в эпоху разбойничьих набегов.

Также по записям епископа Пильгрима мы знаем и о том, что в первое время христиане и язычники венгры жили в добром согласии друг с другом. В те времена был еще скрыт классовый смысл христианства, в соответствии с тем, что в тогдашнем венгерском обществе еще не выявились и классовые противоречия. Однако, это согласие порвалось с началом организующих государство войн. Князь и вырисовывающийся вокруг него господствующий класс свои стремления к власти обосновывали распространением христианской веры. Христианство открыто появилось, как боевая идеология формирующегося господствующего класса. С другой стороны, язычество, религиозная вера, связанная с родовым строем, стало боевой

идеологией масс, защищающих свободу этого строя. Начиная с этого времени, общественная борьба в течение ста лет шла, в первую очередь, под идеологическим покровом борьбы между христианством и язычеством, открыв в венгерской истории эпоху общественной борьбы, в форме религиозной борьбы.

Все отечественные и иностранные источники сходятся в том, что массы венгерского народа приняли христианство по насильственному принуждению. Это организующее церковь насилие, угрозы, террор, жестокость, принуждение, о которых говорится в источниках, слилось с организующим государство насилием. Церковь и государство, детища классового развития, родились вместе, как близнецы. Когда мы слышим о „жестокости князя Гезы, проявляемой им в интересах укрепления веры“, о „преследовании им противящихся подданных“, или о том, что Иштван I „истреблял не верующих“, о погребении им заживо не отрекшегося от язычества Тонузобы, то в этих фактах мы видим одновременно проявления основывающего государство насилия. Организующее насилие в церковной области закончилось тем, что испанцы гнали массы побежденного народа к попам на крещение. (См. легенду о св. Геллерте, гл. 9.)

Сформировавшийся государственный строй затем уголовными законами (законы Иштвана, Ласло, Кальмана) принуждал народ соблюдать предписания христианской церкви. В начале едва-ли можно было достичь большего, чем соблюдения религиозных формальностей. Но со временем народ „стал христианином и в душе“. (Трудно сказать, с какого времени можно говорить об этом. Немцы еще и в XIII столетии называли венгров язычниками или, по крайней мере, полуязычниками. Но этому могла содействовать роль язычных половцев в венгерском обществе XIII столетия. И, кроме того, немцы и чехов и поляков, уже несколько столетий исповедывавших христианство, называли „идолопоклонническими псами“.) И теперь, сотеснив на задний план соответствовавшее обществу пастушеской эпохи моральное мышление, ставящее выше всего свободу, христианская мораль приобрела сильное влияние уже в сознании народа, и требовала от трудящихся безусловного подчинения баринам и институтам нового строя в мышлении, в чувстве и в поступках.

Импорт христианства сопровождался таким изменением в области морали. Но, наряду с преобразованием народной морали, произошли глубокие изменения и в материальной жизни трудящихся.

После прихода христианской церкви к власти, трудящийся народ должен был отдавать часть своего труда для содержания церковного строя. Короли пожаловали руководителями церкви,

епископам и аббатам, имения и слуг. Подаренные трудящиеся находились в таком же положении по отношению к своим церковным хозяевам, в каком и слуги светских помещиков по отношению к своим хозяевам. Кроме того, все трудящиеся, как свободные, так и (ведущие самостоятельное хозяйство) слуги, должны были отдавать десятину продукции своего труда — и к тому же, вначале десятину всей продукции труда — епископам, которые, таким образом, становились собственниками-компаньонами всех светских поместий. Десятинна сильно отягощала свободных людей, которые в эпоху язычества лишь по случаям выполняли работы и поставки священнослужителям и начальникам.

Руководители церкви, епископы и аббаты, посредством доходов, получаемых от своих имений и десятины, включились в господствующий класс общества, ставший с их включением полным. Других членов церковного строя, низшее духовенство и монахов, содержали частью их начальники из своих доходов, частью непосредственно трудящийся народ определенными поставками. И они занимали место в господствующем классе или же, поскольку их содержал их начальник, в придатке господствующего класса. В последнем случае они были в таком же классовом положении, в каком находились военные и другие элементы, которых содержали светские помещики из своего дохода.

С другой стороны, церковь тесно вошла в государство. Церковь была организована государством. При организации церкви и позже епископы и аббаты назначались верховным государственным лицом, королем, который, согласно церковным тезисам, правил „Божьей милостью“, в качестве „наместника Христа“, в одном лице „священнослужитель и король“ стоял над церковью и, в соответствии с требованиями развивающегося классового строя, был еще большим религиозным авторитетом, чем его языческие предшественники, уже окруженные религиозным ореолом князя. Необходимые для содержания материальные средства предоставляло церкви государство. Церковные имения создавались из пожалований короля, десятину для церкви обеспечивало государство, предоставляя вооруженную силу для ее взыскания. Церковь принимала участие в деятельности государства, так, например, в правосудии.

Тесное сплетение государства и церкви исходило из их общего назначения, из удовлетворения потребностей господствующего класса. В „Поучениях“ короля Иштвана,* в качестве опоры страны, дополняя друг друга, фигурируют сила главных людей, ишпанов и витязей,

* *Libellus de institutione morum. Scriptores Rerum Hungaricarum. т. II. стр. 619—627.*

и высшее духовенство, „без которых не могут существовать ни король, ни государство.

Церковный строй являлся представителем новой формы общественного распределения труда. Его задача, сфера деятельности заключалась в сохранении и распространении идеологии, соответствующей экономической структуре классового общества. Итак, церковный строй был первой формой появления одной из неизбежных групп профессий классового общества, первой формой производящего и воспроизводящего мировоззрение „идеологического строя“; он был такой идеологической организацией, которая одновременно приняла форму отдельной материальной организации и власти.

Следы социальной идеологии церкви можно найти в заметках источников XI—XII столетий, касающихся религии. Аноним приписывал милости бога к тому, что страной владеют короли и благородные люди, т. е. члены господствующего класса. С религиозным восхвалением короля, олицетворителя господствующего класса, т. е. организации его власти — государства, мы встречаемся в предисловии к I закону Кальмана, где о короле говорится, как о слуге бога, о средстве его мести. Религиозному оправданию классовых отношений и государства содействовало проповедывание божественного происхождения частной собственности. Перепись в Паннонхалме в конце XI столетия устанавливает, что человек все свое владение получил от Бога.* Не отсутствовали в ней и утешительные слова, направленные к подчиненному классу. Согласно легенде о св. Имре:** „Бедность ни для кого не должна быть бременем, ибо бедняки — избранные богом люди и им принадлежит царство небесное“, к чему легенда осторожно присовокупляет: „но никто не должен утверждать и того, что богачи должны быть исключены из царства божьего.“

* Перепись см. A pannonhalmi főpapáság története. (История главного аббатства в Паннонхалме.) Под. ред. L. Erdélyi. Budapest, 1902. т. I. стр. 606—607.

** Scriptores Rerum Hungaricarum. т. I. стр. 471—506.

6. „НАЦИОНАЛЬНЫЕ“ ПРОТИВОРЕЧИЯ

С основанием государства и организацией церкви возник вопрос об иностранном господстве. Уже известная фраза „Пouchений“ короля Иштвана, происходящая по всей вероятности от чужеземного священника о том, что: „Слабо и шатко одноязыковое и одноморальное государство“, имеет целью защиту господствующего положения, которое заняли чужеземцы в стране во времена Иштвана.

Господствующее положение чужеземцев было естественным последствием обстоятельств, сопровождавших основание государства и организацию церкви. За последние 25 лет X столетия руководящая роль в миссионерстве перешла из рук задунайского славянского духовенства в руки иностранных, немецких, итальянских и других священников, и церковные феодальные магнаты в первое время выходили большей частью из их среды. А венгерское государство было создано не только с посторонней, немецкой помощью, а прямо под немецким владычеством.

Послы князя Геза ходили в Кведлинбург на поклон к немецкому императору Отто I вместе с его вассалами чешскими и польскими князьями. Правда, немецкие и венгерские буржуазные историки отчасти противоположно, с националистической точки зрения обсуждают отношения между Иштваном и императором Отто III. Первые утверждают, что Иштван, получивший королевскую корону от папы по милости императора, стал немецким вассалом. С другой стороны, последние подчеркивают, что Иштван получил корону не от императора, а от папы и, таким образом, его коронование не затрагивало независимости страны. Но вопрос о том, зависела ли Венгрия во времена Иштвана от немецкой империи, зависел не от той формальности, что венгерский князь получил корону непосредственно от папы, а не от немецкого императора. Пославший корону папа Сильвестр II находился в полной зависимости от императора Отто. Он называл императора своим повелителем, император называл его своей креатурой, и оба выражения полностью соответствовали их отношениям. В те времена не было независимой церкви. Как государственные церкви, так и папство были придатками феодальных держав и папство одновременно было орудием то немецкого императора, то феодальной аристократии Средней Италии.

Правда, венгерский князь получил королевскую корону не от немецкого императора, но от слуги немецкого императора, и, таким образом, в итоге „по стимулу и милости императора“. Таким образом, его коронование произошло внутри немецкой господствовавшей системы, как исходящий из нее акт. Однако, с другой стороны, вассальное отношение стран зависело также не от обоснованности или необоснованности правовых претензий, а от соотношения их сил. Венгерский король, также как и чешский и польский князья, при первой возможности отказался в вассальном поклонении немецкому императору. Уже Иштван с оружием в руках изгнал немецкого императора Конрада II, который хотел принудить „бунтующих венгров“ — как выражается один немецкий источник, — к признанию его вассальных претензий, между прочим, как можно судить по данным одного немецкого источника, к выплате обязательной годовой дани.

Во всяком случае, основание государства было введением эпохи влияния немецкого господства, эпохи немецкого феодализма в Венгрии, продолжавшейся в течение 100 лет от князя Гезы до короля Ласло. После смерти Иштвана, говоря словами Дьюлы Паулер,* пять венгерских королей просили милости и унижались перед тронем немецких королей, которые на этот раз прикрывали свои стремления к власти предлогом восстановления христианства. Только борьба, вспыхнувшая между императором и папой, связавшая силы в другом направлении, положила конец немецкому влиянию. И тогда и по вышеуказанной причине, т. е. вследствие того, что внимание Германии было приковано в другом направлении, и наряду с этим, вследствие упадка византийской державы, начался подъем „венгерской великой державы средневековья“, чему в XII столетии могла мешать временно вновь укрепившаяся византийская империя.

Сложившийся во времена Гезы и Иштвана военный господствующий класс не состоял в подавляющей части из немцев и других иностранцев, как это иногда предполагают. Господствующий класс вышел из среди дружин князей и из признавших их власть семей родоначальников и других богатых семей. Последние были венграми. Немцы и другие иностранцы, по сравнению с венграми и венгерскими славянами, составляли лишь меньшую часть дружины. Господствующий класс состоял в первую очередь из венгров. Но руководящую роль играли иностранцы, главным образом, немцы. Известные по именам магнаты князя Гезы и короля Иштвана в преобладающей

* Pauler Gyula: A magyar nemzet története (История венгерской нации). Будапешт, 1893. стр. 178.

части были иностранцами и в большинстве немцами. (Моравский князь Святополк был окружен также немецкими рыцарями и иностранными священниками.) Своим руководящим положением они были обязаны их военному превосходству. В сравнении с азиатской кочевой тактикой они представляли европейскую феодальную военную технику, одержавшую победу на Лехфельде и в войнах князей и начальников племен и являющуюся прочнейшей опорой также и сформировавшегося государства.

Подобно смешанному характеру господствующего класса, подчиненные массы состояли также из элементов различных народов, в первую очередь, из венгров и рядом с ними из потомков славянского населения времен занятия страны. Таким образом, не немцы господствовали над венграми и не венгры над славянами, как и в пастушескую эпоху не тюркские руководители стояли над угорскими подчиненными. Расслоение общества, независимо от этнической разницы, основывалось на распределении труда военных и производителей. И господствующий класс внутри расслоился на основании военной силы, только разница в ней совпадала с этнической разницей.

Но то обстоятельство, что венгры в господствующем классе по отношению к немецкому господствующему слою были оттеснены на задний план, вызвало противоречие интересов венгерской и немецкой групп господствующего класса. Венгерская знать не могла примириться с тем, что король Петер, как говорит хроника, „пожирал имущество страны“ немцами (и итальянцами), что он вместо венгров им отдавал „крепости . . . , замки и все чины в стране“, т. е., что большая часть преимуществ государственного строя получали иностранцы, немецкие рыцары.

Эта противоположность интересов, рассматривая поверхностно, кажется национальной противоположностью, и действительно она появилась в идеологическом виде противоположности национальной свободы и иностранной тирании. Согласно источникам, венгерские магнаты обвиняли жену короля Иштвана, королеву Гизеллу в том, что она „старается подчинить венгерское королевство немцам с потерей его свободы.“ Во времена Петера также жаловались на то, что „воюющие, как дикие звери немцы и болтающие, как ласточки итальянцы“ тиранят надменно венгров по их доброй воле.

Однако, в действительности речь идет лишь о том, что группы, стоявшие друг против друга в борьбе за свои барские интересы, были представителями различных этнических элементов и поэтому в боевой идеологии этих групп получили роль и этнические противоречия. В господствующем классе венгерские магнаты в целом были оттеснены на задний план немецкими магнатами. Вследствие

общей обиды, венгерские магнаты едино, как венгры, выступили против нарушающей их „свободу“, т. е. свободу их господства, иностранной „тирании“. Они использовали этническую разницу в качестве оружия в идеологической области борьбы интересов, восхваляя превосходства венгров, как, например, Аноним восхвалял ловкость венгров на охоте и в стрельбе из лука, и хулил иностранные своеобразности, как, например, твердость или мягкость иностранных языков.

Но здесь мы не встречаем мысли о принадлежности членов этнической общности друг к другу. В борьбе между королем Петером, представляющим иностранное господство, и венгерскими магнатами, один из князей династии Арпада принял из рук сюзерна Петера, немецкого императора Генриха III, регенство Северо-Западной Венгрии. Когда князь Геза восстал против короля Шаламона, бывшего также олицетворителем иностранного господства, никакие идеологические размышления не воспрепятствовали венгерским ишпанам Петрёду и Сольноку перейти от Гезы на сторону Шаламона. Венгерские магнаты ненавидели иностранцев только до тех пор, пока они занимали место в противоположной им по интересам группе. Братья Гут и Келед принадлежали к высокомерным немцам короля Петера. Но сын Гута, Вид все же стал ишпаном короля Андраша I (1060—1063), захватившего власть благодаря „национальной революции“, т. е. своевременно сумел занять место в группе интересов венгерских магнатов. И весь род Гуткеледа по этой же причине сохранил свою власть в течение столетий после падения немецкого господства XI столетия. Немецкие феодальные магнаты вели себя так же, как венгры. Баварские магнаты были союзниками венгерского короля Андраша I против немецкого императора Генриха III. В войске Андраша сражались под Братиславой против немцев Вилунгард и Зотмунд, которые были немцы. Феодальные рыцари, появившиеся в Венгрии первоначально в качестве аванпостов немецкой державы, с легкостью повернули спину немецкому правительственному строю, как только этого потребовали их политические интересы. Наиболее характерно для этого то, что автор „Gesta Ungarorum“ времен короля Ласло, написавший с венгерской точки зрения венгерскую историю в средних десятилетиях XI столетия, подчеркивая немецко-венгерские противоречия, происходил по всей вероятности от одного из потомков (или по крайней мере из окружения одного из потомков) вассербургского Вецелина, основавшего немецкое господство в Венгрии поражением Коппана.*

* Источниковеды доказывали, что большая часть венгерских летописей использовала начальную летопись (Gesta Ungarorum), написанную при короле Ласло. Эта летопись не сохранилась, но можно ее восстановить.

Этническая связь еще меньше проявлялась в области классовых интересов. Когда король Аба Шамуель стал во главе борьбы венгерских трудящихся против угнетающего их режима, венгерские магнаты, изгнавшие короля Петера, „соврешавшего жестокости с германской яростью“, вернули его и немцев обратно, жалуясь немецкому императору Генриху III, что Аба Шамуель „презирает благородных людей страны и дружно действует с крестьянами и неблагородными людьми.“ С другой стороны, в то же время представители едва появившегося немецкого бюргерства, „богатые регенбургские бюргеры Бернульф и Махтин, тщеславие которых, так как они были бюргерами, не мог удовлетворить Генрих III“, установили связь с Аба Шамуель против немецкого феодализма (по данным немецкого историка XVI столетия, Авентинуса). Так, пренебрегая этнической связью, протянули друг другу руку венгерский пастушеский народ, попавший на путь крепостничества, и немецкая буржуазия, начавшая подыматься из крепостничества — пережиток давнего прошлого и зачаток далекого будущего: исчезающий перво-бытно-коммунистический строй и пускающий ростки буржуазный строй против настоящего, против феодализма, означающего для первого конечный пункт и для последнего исходящий пункт пути.

В эту эпоху происходило и так, что этническое единство давало общие лозунги двум противоположным венгерским классам, объединившимся на борьбу против иностранного господства. Так было это во времена восстаний Коппая и Ваты. Совместная борьба служила противоположным классовым целям. Трудящиеся венгры боролись за то, чтобы, свергнув иностранное господство, свергнуть всякое господство. Венгерские магнаты боролись за то, чтобы, свергнув иностранное господство, захватить власть в свои руки. Общим лозунгом, наряду с отдельными языческими лозунгами трудящихся, был лозунг: долой немцев, иностранцев. Так в боевую идеологию трудящегося класса, наряду с религиозными элементами, вошли и „национальные“ элементы.

Однако, это было временным явлением, и не могло быть иным. Восстания не положили конца системе господства. Венгерские трудящиеся и здесь столкнулись с венгерскими магнатами. В борьбе за интересы против иностранцев в качестве этнической группы стояли лишь венгерские магнаты. „Национальные“ лозунги были оттеснены в боевую идеологию венгерских магнатов. Они чувствовали себя едино венграми в борьбе за интересы против иностранцев, и это единство они выразили понятием „венгерская нация“, исключив из нее трудящийся венгерский народ. Эта „венгерская нация“

была не иным, как символом классового сознания феодальных магнатов в области этнических отношений.

„Феодальный национализм“ по существу отличается от буржуазного национализма. Экономической основой буржуазного национализма является господствующий класс буржуазного общества, нужда друг в друге членов буржуазии в рыночной организации национального хозяйства. Основанная на этом идеология буржуазии, созданная ей национальная идеология заключает в себе идею принадлежности друг к другу не только своих членов, но и всех членов национального коллектива, ставшего этническим коллективом. Это — революционное наследие буржуазии, традиция исторической эпохи, в которой буржуазия вынуждена была вступить в союз с трудящимися массами против феодализма и, таким образом, создать единство всей нации против феодальных классов. Затем национальная идеология требует от всех членов созданной таким образом единой нации безусловного подчинения интересам буржуазной нации, которые появляются в качестве „национальных интересов“, и клеймит предательством противоположное этому поведение.

Члены господствующего класса, помещики, в феодальных и дофеодальных обществах, на основании своего натурального хозяйства, экономически независимы друг от друга. Основой „национальной“ принадлежности друг к другу является не их экономическая сплоченность, а лишь общность их политических интересов в сохранении господствующего положения. С другой стороны, свое господствующее положение они приобрели не в союзе, а в борьбе с трудящимися массами. Поэтому, хотя они и считают себя членами этнического коллектива, они не включают в него трудящиеся массы. И этническая связь не воздерживает их от того, чтобы, с изменением их политических интересов, они заняли место против „своей нации“ и проявляли такое поведение, которое с точки зрения буржуазной идеологии считается предательством.

Общность политических интересов помещиков олицетворилась в государстве, назначением которого было сохранение их господствующего положения по отношению к трудящимся массам страны. Однако, государство, наряду с этой внутренней задачей, служило и другой, подчиненной ей внешней цели. Эта цель: защитить власть господствующего класса над трудящимися страны против господствующих классов других стран; распространить власть господствующего класса на трудящиеся других стран, против господствующих классов этих стран.

Венгерское государство при его основании выполняло лишь внутреннюю задачу. Руководство государством, вследствие обстоя-

тельств его организации, попало в руки иностранцев. Когда король Иштван с помощью организованной государственной власти выгнал из страны немецкого императора Конрада, во главе венгерской государственной власти, с помощью которой он защитил свою власть над венгерскими трудящимися против немецких магнатов, стояли другие немецкие магнаты. Для того, чтобы венгерское государство могло выполнять внешнюю задачу, государственную власть должны были захватить в свои руки венгерские магнаты.

Борьба началась еще при жизни короля Иштвана — и против Иштвана. За восстанием Копяна и выступлением князя династии Арпада, Вазула и направляющим против короля заговором знатных людей можно видеть стремления венгерских магнатов к власти. Мы уже поминали выше о нескольких моментах этой борьбы. Мы видели и то, насколько были непрочны „национальные“ фронты, стоявшие друг против друга. В конце концов, вопрос был разрешен не средствами политической борьбы, а стихийными силами общества, выравнившими положение магнатов иностранного и венгерского происхождения. Иностранцы овенгерились, а венгерские магнаты усвоили ту военную технику, на знании которой базировалась руководящая роль первых. В конце XII столетия государственная власть была в руках венгерских крупных помещиков, в классе которых слились элементы иностранного и венгерского происхождения.

7. ОБРАЗОВАНИЕ КЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА

Борьба свободных трудящихся против государственного строя началась сейчас же после его образования. До укрепления государственного строя борьба проходила в форме массовых движений, вооруженных восстаний. Своей кульминационной точки она достигла в XI столетии во времена короля Аба Шамуеля, правящего в интересах масс.

На трудящихся свободных людях лежали высокие дани, десятины, барщина, воинская повинность. В случае, если король пожаловал свободных людей, их рабочей силой распоряжались и пожалованные. Правда, в случае слишком большого произвола со его стороны, они могли их оставить. Но, самое большее они могли сменить своего хозяина, так как их земля переходила в руки пожалованных, а новую землю они могли получить лишь у нового хозяина с его разрешения и в обмен за службу. Если они не были согласны удовлетворять требованиям хозяина, они должны были оставить свою землю. В учредительной грамоте веспремвельдского женского монастыря — времен короля Иштвана — говорится, что „кто хочет жить в компетенции святого монастыря без разрешения настоятельницы и монашек, тот должен быть изгнан с места его жительства.“ А учредительная грамота печварадского монастыря на тот случай, если свободные люди аббатства, считая землю своей „поссорятся с монастырем“ и не уйдут по приказу аббата, постановляет, что монастырь „с помощью королевской власти должен изгнать их и беспощадно все отобрать от них.“

Учредительная грамота веспремвельдского монастыря, предусматривая разрешение монастыря для поселения на его территории, обязует поселенцев брать на себя повинности. Грамота высказывает правовой принцип строя частной собственности: трудящиеся могут пользоваться землей, находящейся в частной собственности помещиков, только в том случае, если выплачивают собственникам земельную ренту. С другой стороны, распоряжение учредительной грамоты печварадского монастыря освещает правовое положение свободных людей, пожалованных королем частным помещикам. Из нее выясняется, что король пожаловал свободных людей вместе с их землей и

с обязательством выплаты земельной ренты. Предположение, что свободные люди аббатства могли считать землю своей, является здесь не простой возможностью, а основано на том факте, что до пожалования земля принадлежала им. Грамота считается с тем, что свободные люди не признают пожалование королем их земли и отказуется от обязательства выплаты земельной ренты, являющегося последствием перехода их земли в частную собственность помещиков. Таким образом, претивящиеся, „ссорящиеся“ с помещиками свободные люди не только теряли все претензии на свою землю, но частные помещики могли даже конфисковать и все их имущество.

Законное положение трудящихся свободных людей было таким: на них лежали тяжелые государственные и церковные, иногда и частные помещичьи налоги, которые они должны были брать на себя под страхом лишения имущества. Но господствующий класс применял по отношению к ним и незаконные средства. Если мы должны предполагать, что магнаты уже до государственной эпохи старались подчинить себе трудящихся свободных людей, то это тем более происходило в государственном строе, где знатные лица опирались уже не только на свою частную власть, а имели в своем распоряжении и государственную власть. 22 статья I закона короле Иштвана этих времен уже определенно свидетельствует о том, что ишпаны и витязи обращали свободных людей в рабов. В 19 статье I закона Кальмана говорится о тех свободных людях (*veteres coloni*), которые незаконно были лишены их земли. Превращение свободных людей в рабов, захват их земли и другие способы противозаконного угнетения не были исключенными. После закона короля Иштвана и закона Кальмана, отражающих условия XI и начала XII столетий, в Золотой Булле XIII столетия высказывается желание, чтобы магнаты не угнетали и не грабили простой народ и бедноту.

Государство не „защищало“ трудящийся класс от превышения власти со стороны господствующего класса иным, как лишь высказыванием благосклонных желаний, изданием бессильных запрещений. Мы уже видели, что закон короля Иштвана — приведенная выше статья — запрещая обращение свободных людей в рабов, оставил свободных людей в рабстве, и, если они все же получали обратно свою свободу, не наказывал обративших их в рабов. Мы видели и то, что 30 статья I закона короля Ласло выдала свободных людей их господам: „они могут обращаться (с ними), как им угодно“, говорится в этой статье. Такое же отношение выявляется из вышеуказанной 19 статьи I закона Кальмана, согласно которой свободные люди получают обратно отнятую у них землю только в том случае, если они не получают землю в другом месте. Если же им удалось

устроится в другом месте, т. е., если они подчинились власти другого хозяина — они не могут требовать возвращения их земли. Ее без препятствий может сохранить незаконный захватчик. Согласно закону, трудящиеся наказывались повешением за кражу у помещика вещи, стоящей больше одной курицы, а с помещиками не случалось никакой беды, если они лишали трудящихся свободы или земли, бывшей условием их пропитания.

Из этого можно видеть, что для восстания трудящихся против нового строя не было необходимости в религиозном подстрекательстве языческих жрецов. Восстания исходили из того материального положения свободных людей, в которое они попали в государственном строе; языческая религия дала их борьбе только идеологию.

Об их первом выступлении, связанным с именем Коппана и начавшемся в Шомоде, история записала лишь идеологические лозунги. Но при Аба Шамуеле мы видим уже полный разгар материальной борьбы. Аба Шамуель не только „презирал благородных людей страны и дружно действовал с крестьянами и неблагородными людьми“, не только всегда „ел, ездил и разговаривал с крестьянами и неблагородными“, а он „думал так, что все общее между господами и слугами.“* Аба Шамуель был представителем стремлений трудящихся масс, направленных на восстановление общей земельной собственности, т. е. на ликвидацию строя частной собственности и связанного с ним государственного строя. (Историческая роль и судьба Аба Шамуеля напоминает о короле Спарты Агисе.) Применяя в интересах своей цели массовый террор, он один раз заставил убить палками сразу пятьдесят знатных людей. (Легенда о св. Геллерте.) Поэтому летописцы господствующего класса пишут о нем, как о таком человеке, который, не обращая внимания на клятвенное нарушение, нагромождая кровь на кровь и преступление на преступление, беспощадно свирепствовал против „венгров“. (Здесь эти летописцы выставляют обиды знатных людей обидой всего венгерского народа.) А венгерские магнаты жаловались немецкому императору, что Аба грабит, убивает, совершает различные убийства, попирает справедливости и закон, казнит невинных магнатов, ослепляет их, тиранит так, что против него вопиет вся „Венгрия“. В конце концов, венгерские магнаты обратились к феодальной Германии за помощью против Аба, и в сражении у Менфё победу для немцев одержали руководящие немцев магнаты. Смерть Аба также выражает исторический смысл его царствования, был-ли он казнен совместным судом венгерских и немецких магнатов, как указывает немецкая хроника,

* *Sriptores Rerum Hungaricarum* (ed. Szentpétery). Т. I. стр. 389.

или-же его убили венгерские магнаты, после его свержения, как утверждает венгерская хроника. И следующее непосредственно за его царствованием поколение оценивало его память на основании его исторической роли. Если дворянская историография видела в нем кровавого террориста, то народ, в песнях которого имеется лишь немного воспоминаний о короле Иштване, считала его святым, рассказывая, что на его трупе чудесным образом зарубцевались раны и в могиле сохранились в целости его одежды и саван. С другой стороны церковь в противоположность религиозному почитанию со стороны народа, предала Аба Шамуеля анафеме.

За свержением Аба, святого мученика дела народа, следовала барская реакция. Во времена второго царствования Петера была введена более строгая защита институтов классового строя. Венгерские магнаты ввели баварский закон, содержавший более строгие и подробные распоряжения относительно защиты имущества и власти господствующего класса, чем правовая система короля Иштвана. Немецкие летописцы в связи с этим указывают, что император Генрих III наградил венгерских магнатов баварским правом.

Второе царствование Петера было свергнуто „национальным восстанием“. Движение масс началось в затисских местностях, в Бекеше, под руководством Ваты. Восстание было направлено против организации нового строя, против государства и церкви и против связанного с ними материального отягощения, сборов и десятин. Король был ослеплен, „ишпаны“ и другие чиновники государства во всей стране „были казнены позорной смертью“, за исключением трех были убиты все епископы, священники и монахи. Единственным деловым результатом массового восстания, поставившего к власти короля Эндрэ I было, кажется, отменение баварского закона.

Последним широким движением трудящихся свободных людей было движение, связанное с вступлением на престол Белы I, захватившего власть в свои руки также с помощью массового движения. Вождем масс, согласно хронике, был тогда сын Ваты, Янош. Под давлением масс Бела вынужден был созвать в Фехерваре собрание, в котором от каждой деревни присутствовало по два старейших. В собрании явилась толпа „крестьян и слуг“, которые через своих уполномоченных представили королю свои требования: „Разреши жить нам языческими, как жили наши отцы, разреши расправиться своим судом с епископами и дяками, повесить сборщиков десятины, сравнять с лицом земли церкви и разбить церковные колокола.“ На этот раз народ выступил непосредственно против идеологической организации строя, против церкви и церковных налогов. Бела разогнал толпу с помощью войска и казнил ее руководителей. Он

казнил также и языческих жреци, игравших в движении большую роль. Об одном из них, знахарке Рашди, в хронике говорится, что „глубоко христианский“ король держал в тюрьме до тех пор, пока она не сгрызла свои собственные ноги и не умерла. Король конфисковал поместье семьи Ваты, бывшее в последнее время главным гнездом восстания. Поместье было превращено в королевский комитат (так был создан комитат Бекеш), вооруженные силы которого заботились об обуздывании бунтующих свободных людей края. В целях оказания на них идеологического влияния, на территории комитата Бекеш и соседнего комитата Бихар, было создано шесть новых архидиаконств.

Однако, движения трудящихся свободных людей повторялись слишком часто и в слишком опасной форме. Таким образом, ненависть масс, чувствуемую ими к барам и священникам, представители государства и церкви должны были направить на других. Подходящими представились торговцы и разменщики денег. Правда, при господстве натурального хозяйства они играли в жизни народа лишь незначительную роль, но они были иностранцами и, вследствие их деятельности, их интересы противоречили интересам трудящихся. Таким образом, господствующий класс в качестве „причины обеднения и бедствия народа“ выставил „их заслуживающее презрения корыстолюбие“, и в соответствии с этим, изданное королем Бела I постановление установило цены на все товары, чтобы „они не получали излишней прибыли . . . от простоватых людей и от крестьян“.

В венгерской истории это первый пример урегулирования цен и, вместе с тем, политического маневра складывания вины на другого. Летописец продолжает этот маневр дальше, рассказывая, что вследствие этого мероприятия Белы бедные люди стали зажиточными. В противоположность этому в законе короля Кальмана и дальше говорится об „стягощенном бедностью народе“ (2 статья I закона).

Во всяком случае, начиная с этого времени — приводя слова летописца — „богачи жили в славе“. С Бела I окончилась первая эпоха вооруженной общественной борьбы, активизировавшей большие массы, после этого государственный строй укрепился. Трудящиеся свободные люди должны были примириться с тем, что страна принадлежит королю, магнатам и священникам. Но для них все еще имелась возможность, оставив территорию, находящуюся в непосредственном владении помещиков, освободиться от государственного строя. И, действительно, после окончания эпохи вооруженной борьбы, в последней четверти XI столетия (однако, частью и до этого времени) развернулось новое народное движение, движение переселения в те части исторической Венгрии, которые находились лишь под слабым

владычеством тогдашнего венгерского государства. Наши историки описывают это движение, как заселение исторической Венгрии естественным приростом венгерского народа. Однако, действительной двигательной силой этого движения была мечта о спасении от государственного строя.

В законах королей Ласло и Кальмана конца XI и начала XII столетий часто упоминается об отпавших от своих общин бродячих народных элементах, о проходимцах. Среди населения крепостей, беглых слуг, юзбегов (*üzbeg* — слово славянского происхождения, означает — бежавший) встречаются и свободные люди, те люди, которые, будучи изгнаны с их земли, стали бездомными (19 статья I закона Кальмана).

Но трудящиеся свободные люди становились бездомными и во многих других случаях, на которые источники не указывают определенно. Свободные люди, бежавшие от произвола их бар и ишпанов, витязей и вообще важных лиц, изгнанные своими хозяевами, бежавшие от строгости чрезвычайных уголовных законов, вынуждены были странствовать. Они могли стать бездомными еще легче, чем слуги, именно потому, что были свободными или по крайней мере не были прикреплены к помещику, к земле. Итак, страна наполнилась бродячими, преследуемыми свободными людьми и слугами.

Явно, что главным образом из этих элементов должны были выйти „поселенцы“, идущие сплошным потоком к границам исторической Венгрии, начиная с последних десятилетий XI столетия. То, что движение переселения было основано не просто на недостатке земли, а его питало стремление бежать из Венгрии магнатов, является и из того, что оно не затронуло необитаемых внутренних местностей страны, находившихся под рукой этих магнатов. Прибывавшие в страну половцы в изобилии получали внутри страны место еще и в XIII столетии. Относительно секлеров Кезаи вместе с другими источниками подтверждает, что они, бежав из Венгрии, попали в Чик, на „поле Чигле“ — хотя он и относит это событие ко временам Атиллы.

Исходящие из классовых обществ переселенческие движения вызывает обычно давление, лежащее на подчиненном классе. Восточно-европейские, в том числе немецкие поселенцы в Венгрии, в XII столетии вынуждены были эмигрировать в связи с повышением феодальных бремени. (Немецкие источники своего времени причиной эмиграции считают повинности и налоги, лежавшие на крестьянстве и произвол и беспощадность помещиков.) Несомненным является тот факт, что массы секлеров в конце XV столетия переселились в румынские воеводства, спасаясь от олигархического режима.

Известно и то, что Россию, не в малой ее части заселили русские крестьяне, бежавшие в лесные местности на окраины страны от помещичьей эксплуатации. Общеизвестно происхождение свободных казаческих поселений. Переселенческое движение, начавшееся в Венгрии, в конце XI столетия, имело по существу подобный характер.

Но переселение могло помочь лишь части трудящихся, но и им только временно. Весь трудящийся народ не мог бежать от своих господ. К тому же вскоре за переселившимися в более свободные местности последовали и представители феодализирующей Венгрии. Венгрия не Россия, где огромные территории обеспечили казакам независимость в течение столетий. Государственная организация постепенно распространялась на местности, занятые беглецами. Один за другим появлялись комитаты, церковные районы, барские поместья и, наконец, венгерское государство заполнило географические рамки исторической Венгрии.¹⁰

Государство тесно примкнуло ко всему телу венгерского общества. Трудящиеся свободные люди должны были приспособиться к институтам государства. Вначале — принимая во внимание общее направление массового движения — пытались насильственно разорвать стесняющие оковы государства, позже пытались выскользнуть из них, но наконец вынуждены были обратиться к институтам государственного строя за защитой от злоупотреблений государственного строя. Король, от которого они зависели, за отсутствием непосредственной личной связи не оказывал им эффективной помощи. Таким образом, они стали под защиту магнатов, за что они, правда, должны были платить своим излишним трудом, однако взамен этого они получали защиту против произвола, мучений, грабежа со стороны других. Состояние полной „свободы“, в котором принципиально они зависели лишь от находящегося далеко от них короля, в действительности же постоянно рисковали своей свободой, имуществом и даже жизнью, они променяли на такое непосредственное зависимое отношение, которое по крайней мере обеспечивало для них минимальные жизненные условия.

Уже в 30 статье I закона короля Ласло говорится о тех свободных людях, которые „поступили на службу к какому-нибудь епископу или ишпану“. Это были трудящиеся свободные люди, признавшие высшую власть какого-нибудь епископа или ишпана,

¹⁰ По общему мнению наших историков, венгры заселили Венгрию под руководством королевской власти, дворянского класса, выполнивших в этой области национальную задачу. Для них остался неясным первый этап заселения, главным действующим лицом которого был народ. Они видят ли в второй этап, в которой главную роль играла действительно „нация“ дворян, но таким образом, что она осела на бежавший от нее народ.

которые защищали их, а они работали на них. Подчинение себя кому-либо никогда не было в полном смысле этого слова добровольным, так как исходило из безвыходного положения свободных людей. В некоторых случаях, однако, его можно назвать добровольным, а именно, когда они свободно выбирали нового хозяина. Но магнаты в деле подчинения свободных людей неоднократно применяли насилие. Не чуждаясь подчинения себе свободных людей, они еще менее воздерживались от подчинения их себе в такой форме, в которой подчиненные оставались свободными и дальше, но их земля переходила в собственность магнатов, которые распоряжались их рабочей силой и, таким образом, и их землей. Этим не нарушалась королевская собственность, так как король распоряжался и магнатскими землями. В 80 статье I закона короля Кальмана говорится о свободных людях, работающих на чужой земле. К их числу надо относить, вместе с пожалованными королем и нанявшимися на работу бродячими свободными людьми, также и перешедших к магнатам „рекомендовавших“ себя свободных людей, земля которых перешла в собственность их защитников.

В законе Кальмана фигурируют также свободные люди, принадлежавшие к населению королевских замков (40 статья I закона). Поздние, более многоречивые источники упоминают о них среди королевских „дворников“. Трудящиеся свободные люди „добровольно“ или по принуждению — иногда по насилию королевских людей, которые хотели облегчить свое бремя или расширить свои земли — поступали на службу непосредственно к королю или к королевскому замку.

Постепенно исчезли те трудящиеся свободные люди, которые лишь платили общие государственные и церковные налоги, а впрочем, в экономическом отношении были свободными. Не считая даже тех, кто вследствие произвола магнатов или по распоряжениям уголовного закона попал в рабство, широкие слои свободных людей попали под власть короля или частных помещиков, частью в связи с пожалованием их королем, частью, ставшим бездомными, они должны были наняться куда-либо на работу, „встали на службу“ к королю или помещикам. Непосредственная зависимость трудящихся свободных людей от помещиков стало общим явлением; по своему экономическому положению они по существу уже не отличались от зависимых элементов. Уже начиная со времен короля Ласло они все менее фигурируют в источниках в качестве „простонародья“ (*vulgares*), как отличали их от слуг во времена Иштвана. Они все чаще упоминаются под названием „деревенских“ (*villani*) или „крестьян“ (*rustici*), вместе с последними.

В классовой борьбе в деревне XIII столетия они боролись еще на передовом фронте крестьянства. При своем, более защищенном с правовой точки зрения положении, они скорее всех добились результатов. Но остальная часть крестьянства шел за ними. В сложившемся к XIV столетию едином в правовом отношении крепостничестве они исчезли без следа. Их путь, конечную точку которого мы здесь затрагиваем, изображает путь занявшего страну венгерского народа, потомками большей частью которого были они.

С превращением венгерских трудящихся из слуг короля в слуги магнатов, классовые отношения в обществе стали общими. Магнаты эксплуатировали теперь уже не только чужие элементы, покорившихся славян и захваченных рабов, как это было по существу в период организации государства, но экспроприировали также труд и венгерских трудящихся.

С подчинением венгерских трудящихся магнатам, венгерское общество стало классовым обществом. Процесс, начавшийся с появлением классовых отношений уже в пастушеской эпохе и быстро развернувшийся после занятия страны, особенно с порабощением славянского населения, теперь, распространившись без различия и на венгерских трудящихся — на основной слой общества — дошел до заключительного этапа. В обществе исчез свободный труд. Все трудящиеся попали в положение подчиненного класса.

Государство, созданное развитием классовых отношений, стало средством классового подчинения венгерских трудящихся и, вследствие этого, и обобщения классовых отношений. Государство, уже при возникновении подчинив себе венгерских трудящихся, не дало им защиты против произвола магнатов, наоборот, оно усилило их власть, предоставив в их распоряжение и свою власть. Опирающиеся на государство, магнаты снизвели венгерских трудящихся в подчиненный класс.

В хронике Анонима, писавшего в конце XII столетия, вырисовывается картина уже не свободного народа, а классового общества. Государством „по милости Вечного Короля... владеют короли и благородные люди Венгрии“ (Введение). Идущие на землю Паннонии венгры фигурируют у него уже лишь как „семь княжеских лиц с их родственниками, да мужскими и женскими слугами“ (гл. 12.), или, выражая более точно, „вождь Арпад и его благородные люди... вместе с мужскими и женскими слугами“ (гл. 44.). Когда-то свободный народ стал челядью благородных людей.

В классовом обществе король и его благородные люди не только владеют страной, но в действительности они сами, король и его

приближенные, являются государством. Венгерское слово „ország“ (государство) раньше означало и „kiséret“ (дружина). Этот смысл оно сохранило и до сих пор в перенявшем его польском языке. Государство — название нового общественного формирования, занявшего место союза племен. Союз венгерских племен преобразовался в венгерское государство. Это новое понятие, как позже и понятие нация, распространялось лишь на господствующий класс. Государство и народ стали противоположными понятиями. Народ заключал в себе подчиненный класс. Входящие в него, смотря сверху, были „мужиками“, вульгарными, грубыми существами. (Слово „paraszt“ (мужик) в те времена перешло в венгерский язык из славянского языка, на котором оно означало грубое, вульгарное.)

Охотническая эпоха знала слово господин (úr), но не знало понятия — господин. Господин охотнической эпохи, князь, не имел власти над производителями. Таким образом, еще не было понятия противоположности имеющего власть господина — понятия крестьянина. В классовом обществе производитель стал подчиненным, из него стал paraszt (мужик). С другой стороны, понятие господин, в связи с личностью господствующего короля — преемника бывшего князя, расширилось, а затем в этом смысле распространилось на всех членов господствующего класса. (Подобный языковой процесс прошел со времени охотнической эпохи и в семейной жизни, где муж превратился в „господина“ жены.) Так, наряду с названием членов подчиненного класса, сложилось название членов господствующего класса. Два основных класса общества — как господа и мужики (urak és parasztok) — встали друг против друга.

В охотнической эпохе, и вообще еще и в пастушеской эпохе, производители выполняли свою работу свободно и для содержания самих себя. В классовом обществе работа превратилась в принудительный труд, выполняемый для содержания других. Даже работа, выполняемая для самосодержания, появилась в качестве условия содержания других. Работать — означало теперь уже выполнять на других принудительный труд, выполнять обязательство по отношению к другим. Венгерские слова „dolog“, „dolgozni“ (работа, работать) происходят от славянского слова „долг“, означающего задолженность, обязательство, и в венгерский язык перешли в X—XII столетиях, в эпоху создания классового общества. (Сравни: úrdolga (барщина), работа на господина.) В это же время вошло в венгерский язык и слово „robot“, которое и до сих пор сохранило значение принудительного труда. Это слово происходит от славянского слово „раб“, перешедшего также в венгерский язык. Таким образом, „robot“ означает принудительный труд.

История венгерского языка свидетельствует о том, что венгерское общество лишь в X—XII столетиях, в эпоху перехода в венгерский язык указанных выше слов, превратилось в классовое общество.¹¹ Те наши (славянского происхождения) слова, которые обозначают две главные группы подчиненного класса сформировавшегося классового общества — „szabad“ (свободный человек) и „szolga“ (слуга) — также как и два (также славянского происхождения) варианта слова слуга — уже упомянутые слова „раб“ и „eseléd“ (челяд) — перешли в наш язык в те же времена. Последние два слова с обобщением классовых отношений вытеснили слова „in“ (остались происходящие от него слова „inas“ (лакей, слуга) и „inség“ (бедствие, нужда), как и слово „tobot“ вытеснило слово „enő“, которым венгерский язык в пастушескую эпоху обозначал лишь sporadически фигурировавших рабов и их принудительный труд. Также начиная с этого времени наш язык говорит о стоящем под „járom“ (ярмом) и „iga“ (игом) народе. Эти слова также переняты из славянского языка. Наконец, появление нашего слова „parancsol“ (приказывает), слова славянского происхождения, также надо отнести к этой эпохе обобщения отношений между господами и слугами.

Рассматривая отдельно развитие первобытного венгерского родового общества, видим, что оно по существу разделялось на классы таким образом, что его военный слой, т. е. его сильнейшая группа, князь и его дружина, вооруженной силой подчинил себе производительный слой общества. Действительно, на этот процесс ссылается французский монах Альберик,* записавший в XIII столетии на основании венгерских источников, что бежавшие с поля аугсбургского сражения (Альберик пишет о семи беглецах) гнали в неволю весь народ, не шедших с ними на войну, и что „благородные на венгерской земле“ происходят только от них. Бежавшие с поля аугсбургского сражения представляют военный слой родового общества, а те, кто не шел с ними на войну, производительный слой общества. Таким образом, классовая структура создалась на основе прежнего распределения труда, как и в дальнейшем все общество основывалось на распределении труда, на распределении труда военных чиновников и производителей.

¹¹ Аноним уже о венгерском обществе времен занятия страны пишет, как о классовом обществе, к тому же, как о феодальном классовом обществе. Albericus monachus, Trium Fontium Chronica. Mon. Germ. Hist. Scriptores. т. ХХIII. стр. 631—950.

8. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Выше мы видели, что развитие классового строя — система частной собственности, создавшаяся в пользу руководящего слоя, и угнетающие стремления последнего — вызвало в пастушеском обществе, после занятия страны, экономический кризис, и что он прекращался лишь путем развития производительных сил, путем развития земледелия. Однако, мы указали также и на трудности, на которые наталкивается переход ведущих легкую жизнь пастушеских народов к трудоемкому земледельческому образу жизни. Образование государственного и, затем, классового строя обострило кризис, отяготив всех трудящихся свободных людей государственными и церковными, а позже и помещичьими налогами. Вооруженное восстание, распространение воровства, проявляющиеся в массовом масштабе бродяжничество и переселение были выражением и, вместе с тем, симптомами обострения кризиса. Но классовое развитие общества создало и средства для излечения кризиса. В поддерживаемой церковью государственной власти создалась сила, деятельность которой была направлена на принуждение свободных людей к выполнению наложенных на них обязательств. С укреплением государственного строя эта принудительная сила стала еще более эффективной. А направленное на выполнение обязательств насилие было равноценно насилию, направленному на развитие производительных сил, на расширение земледелия. Трудящиеся свободные люди могли покрыть лежащие на них налоги лишь путем расширения земледелия. И при принужденном выполнении обязательств они могли сохранить свое существование только распространив земледелие. Таким образом, классовое развитие общества порождало два противоположных направления. Первое в увеличившемся размере втягивало общество в кризис, второе в увеличившемся размере производило средство для излечения кризиса. Из борьбы двух направлений победителем вышло последнее; развитие производительных сил, распространение земледелия положило конец экономическому кризису. Общество страдало не столько от развития классового строя, сколько от его несовершенства. Болезнь, причиненную началом и развертыванием классового развития, вылечило его завершение.

Вследствие параллельности двух направлений, параллельно и во взаимодействии развивались, с одной стороны, выражавшие кризис явления, с другой стороны, земледелие и принуждающая ее развитие сила, которые излечили кризис. Расширение влияния земледелия в пастушеском мире началось уже после занятия территории страны, когда начальники приступили к подчинению трудящихся свободных людей. Но в середине X столетия преобладающее большинство венгров вело еще пастушескую жизнь. В продолжение долгого времени, под давлением государственного и классового строя, земледелие развивалось лишь очень медленно. Переход был гораздо труднее для того, чтобы он мог разыграться с одного дня на другой. Данные, исходя из которых в последнее время делают вывод о господстве земледелия уже в относительно более раннее время, во времена короля Иштвана, не пригодны для опровержения этого. Для правильной оценки этих данных надо иметь в виду, что в венгерском обществе первоначально объединилось два общества: занимавшееся пастушеством венгерское общество и занимавшееся земледелием славянское общество. Большая часть населения Венгрии уже около середины X столетия могла быть земледельческой, главным образом, благодаря рабочей силе захваченных военнопленных, умножившей земледельческие элементы населения без того, чтобы большинство венгров занималось земледелием. Указанные выше данные не подтверждают большего, чем то, что большинство общества, состоявшего, главным образом, из элементов невенгерского происхождения, во времена короля Иштвана занималось земледелием. Они выражают именно этот факт и не относятся к способу производства большинства венгров.

Во всяком случае, земледелие среди венгров продолжало распространяться дальше и во времена Гезы и Иштвана, в последние десятилетия X столетия и в первые десятилетия XI столетия. Появились государственные и церковные налоги, государственная и церковная организации действовали в направлении к принуждению выплаты налогов, таким образом, в направлении к распространению земледелия. Но результат тогда еще не мог быть слишком большим. Св. Геллерт об этих временах пишет, что венгры были знатоками только лошадей и конюшни. Жалованная грамота тиханьского монастыря,* выданная спустя почти два десятилетия после смерти Иштвана, отражает еще такие условия, при которых земледелие играет незначительную роль по сравнению со скотоводством. Свиристующая после смерти Иштвана почти

* Издания см. Szentpétery Imre, Az Árpádházi királyok okleveleinek kritikai jegyzéke (Критический список грамот королей из дома Арпада). Будапешт, 1923. стр. 6.

в течение четверти столетия вооруженная классовая борьба также показывает на то, что налоги государственного строя еще и тогда едва были под силу венгерскому народу, что производительные силы, таким образом, далеко еще не могли удовлетворить требованиям, предъявляемым им государственным строем. Но из того, что центр вооруженной классовой борьбы после Гезы и Иштвана переместился в Затисье, можно сделать заключение о том, что земледелие при Гезе и Иштване, хотя и не во всей стране, но, по крайней мере, в Трансданубии в некоторой степени все-же развивалось. Восстание Коппая началось еще в Трансданубии, а восстание Ваты и его сына началось уже в Затисье. Развитие производительных сил в Трансданубии, где прежде всего пустили свои корни государственная и церковная организации, уже уменьшило вес государственного давления, в то время, как в затисских местностях, где организации господствующего класса были более молодыми, это давление проявлялось во всей своей силе.

В более значительной степени земледелие могло развиваться за период от царствования Белы I, конца эпохи вооруженной борьбы, до смерти Ласло I, в последних десятилетиях XI столетия. В это время большое число трудящихся свободных людей попало под власть помещиков, как это показывает объединение их под названием „деревенских, крестьян“ с прежними помещичьими людьми. Производство свободных людей, попавших под власть помещиков, должно было покрывать также и помещичьи налоги, а о выполнении помещичьих требований заботились укрепившаяся государственная власть и христианская церковь, одержавшая победу над язычеством. Но свободные люди далеко не примирились со своей барской службой. Вместо развития производительных сил, вместо тяжелого труда они массами избирали воровство, оказавшееся более легким разрешением вопроса — о чем явно свидетельствует чрезвычайное суровое законодательство Ласло I. Одна из статей закона Ласло, в которой говорится о доме или шатре короля, бросает свет на такое общество, в котором еще полностью сохранились обычаи пастушеской жизни.

Поворотным пунктом можно считать царствование короля Кальмана, начало XII столетия. В те времена в производстве впервые проявились в решительной форме результаты развития, начавшиеся с занятием исторической территории Венгрии. Законы Кальмана регулируют уже существенно иные экономические условия, чем законы Иштвана I. При денежных штрафах серебрянные деньги вытеснили замену денег скотом. В законах говорится о государственном налоге в серебрянных деньгах, о торговых и кредитных операциях, подробно затрагивается судопроизводство, в знак того, что правовая жизнь усложнилась, в связи с чем в общую судебную орга-

низацию была включена церковь, являвшаяся представителем интеллигенции. Все это показывает на развитие товаропроизводства, за которым стоит развитие производительных сил, распространение земледелия. Во взаимосвязи с этим укреплялись также и общественные условия. Свободные трудящиеся, взявшись за земледелие, перестают воровать. Воровство уже не проявляется эпидемически; законы смягчаются, к смертной казни приговариваются лишь крупные воры. Правда, земледелие еще далеко не стало важнейшей отраслью производства всего коренного венгерского народа. (В течение XI столетия коренные элементы венгерского народа надо отличать от слившихся с венгерским народом славянских и других элементов.) Ножанский аббат, Гиберт и другие священники, побывавшие в стране в 1096 году, во времена Кальмана, с участниками первого крестового похода, кроме скирд, вышиной в башню, которые явно свидетельствовали о развитии земледелия славянского происхождения, пишут также и о бесчисленных стадах рогатого скота и лошадей, показывая, таким образом, что скотоводство стояло тогда еще на первом плане. На существование традиционной формы скотоводства показывает также и то, что в случае войны свободные люди должны были поставлять лошадей. (Большое количество пастбищ еще и в середине XII столетия привлекало внимание участников второго крестового похода.) Коренной венгерский народ в своей производственной жизни был еще подвижнее, чем земледельческие народы. Кальман, так же, как и Ласло, вынужден был запретить, чтобы население уходило далеко от сельской церкви. (Однако, этот запрет мог относиться и к земледельческим деревням славянского происхождения.) Неразвитость производительных сил коренного венгерского народа все еще доводила до столкновений с помещиками, последствием чего явилось переселение населения. Бродячие массы все еще двигались к рубежам страны, чтобы освободиться от с трудом переносимого государственного строя. Таким образом, начало XII столетия можно считать поворотным пунктом в производстве коренного венгерского народа лишь постольку, поскольку оно является переходным пунктом между эпохами пастушества и земледелия, причем в это время их относительный вес по частям страны был еще очень различным. В Трансданубии земледелие могло быть уже близко к тому, чтобы стать господствующей отраслью производства коренного венгерского народа, земледелие могло играть значительную роль также и в Южном Крае, в окрестностях нижнего течения Дуная (Délvidék), в то время, как в более северных местностях Низменности (Alföld) земледелие, как и в пастушескую эпоху, лишь дополняло скотоводство, хотя несомненно, что его важность с тех пор возросла.

В течение XII столетия по существу закончилось подчинение трудящихся свободных людей помещиками. Среди коренного венгерского населения земледелие лишь за это столетие развилось настолько, что к концу столетия оно уже наложило свою печать на способ производства большинства. Итак, в это время постепенно создавалась экономическая основа классового строя и параллельно с этим улаждался экономический кризис общества, несмотря на то, что и дальше продолжалось переселение и из экономически обоснованного классового строя.

В Трансданубии и в Южном Крае, в тех частях страны, где жило большинство коренного венгерского народа, в конце XII столетия главным занятием было земледелие плугами. В Трансданубии это было более обобщенно, чем в Южном Крае. Оседшие здесь окончательно венгры обрабатывали землю уже по урегулированной системе севооборота, и, можно предположить, что в южных местностях Трансданубии обработка земли происходила уже по двухпольной системе. Пастушеством занималось уже только меньшинство, главным образом в северных местностях Низменности (Alföld), где в медленно распространяющемся земледелии господствовала еще система первобытного севооборота. Жизнь в шатрах была здесь в обычае еще и в XIII столетии, а малоинтенсивное скотоводство в продолжение всего средневековья и даже и позже было важнейшим способом производства. Вследствие этого на международном рынке Венгрия еще долгое время фигурировала в качестве скотоводческой страны по сравнению с аграрно-индустриальной западной Европой. (Новые раскопки, вскрывшие инструменты венгерских поселений XIII—XVI столетий в местностях между Дунаем и Тиссой, без всякого сомнения доказали, что в этих местностях венгры, на протяжении всего средневековья, начиная с занятия территории Венгрии, занимались главным образом скотоводством.)

Часть славян Венгрии уже в IX столетии поднялась на уровень производительных сил, который был достигнут коренными венграми в общем к концу XII столетия. За время, прошедшее с IX столетия, развились и производительные силы населения славянского происхождения, так что в конце XII столетия уровень производительных сил показывает общую степень развития производительных сил всего венгерского общества. В течение X—XII столетий коренной венгерский народ превратился, таким образом, из варварского в „культурный народ“, в первоначальном смысле этого слова, означавшего земледельческий народ и выражавшего, что основой всякого культурного развития является земледелие.

Венгерский народ дорого уплатил за этот прогресс. Массы трудящихся венгров, потеряв свою экономическую независимость, попали в положение подчиненного класса и вместо легкого пастушества вынуждены были заниматься тяжелой работой земледелия.

Сущность этого преобразования наглядно показывают перешедшие в венгерский язык в эту эпоху славянские слова, относящиеся к труду. Если венгерское слово „dolgozni“ (работать) оригинально означало принудительный труд на других, то первоначальный славянский смысл слова „munka“ (труд) — мука, мучение — указывает также и на изменение технического характера труда. Перенятие этого слова для обозначения понятия труда выражает не только то, что место труда для самосодержания занял принудительный труд на других, а также и то, что легкую работу пастушества сменила тяжелая работа земледелия; таким образом, наглядно показывает то, что труд, как с социальной, так и с технической точки зрения, превратился в тягостное бремя.

Это — творение классового строя. Но, несмотря на это, классовый строй являлся представителем сил прогресса. Угнетение и эксплуатация, лежащие на трудящихся массах налоги принудили их, развивая производительные силы общества, перейти от пастушества на земледелие и этим увеличить избыток продукции, находящейся в распоряжении общества. Правда, всю пользу из этого извлекал косвенно руководящий класс, который, преобразовавшись в господствующий класс, с помощью использования возросшего избытка продукции сделал свою жизнь более богатой, многосторонней. Все издержки лежали на производительном слое, который, снизившись на роль подчиненного класса, выполнял тяжелую работу, чтобы, наряду с поддержанием своего существования, произвести продукты, требуемые господствующим классом. Но, избыток продукции, попавший в руки господствующего класса, косвенно служил развитию всего общества. Помещичья и государственная организация, содержащая за счет избытка продукции, оказывала относительную защиту производительной рабочей силе, обеспечивая этим бесперебойность производительного труда и, в связи с этим, и дальнейшее развитие производительных сил. А вследствие этого дальше возрастал избыток продукции, попадавший в руки господствующего класса. На этом избытке базировалась затем покупная сила, создавшая городскую промышленность и расширившая рынок. Это сделало возможным более полное развитие государственной и правовой организации, что являлось условием развитой экономической жизни, а в связи с этим создавалась возможность начала развития науки и искусства. При более низком уровне производительных сил, когда

общество имеет относительно незначительный избыток продукции; прогресс общества может быть обеспечен лишь накоплением избытка в руках привилегированного меньшинства. В случае распыления избытка продукции во всем обществе, общество не прогрессирует, а, более или менее неподвижно, стоит на одном месте. Развитие общества за всю „предисторическую“ эпоху человечества, в силу необходимости, разыгрывается в противоположных формах, которые ставят друг против друга господствующее и привилегированное меньшинство и угнетенное и эксплуатируемое большинство. В связи с этим задачей историографии является не скрывание угнетения и эксплуатации, а раскрытие их исторической роли.

Так называемая „государственная идея св. Иштвана“, в связи с которой в прошлом так много полемизировали, получает смысл в этой взаимосвязи. Исторический смысл этой идеи, основания венгерского государства, заключается в том, что государство, уничтожившее свободную родовую организацию и занявшее ее место, устранило те производственные условия, которые, вызвав экономический кризис, препятствовали переходу к земледелию, препятствовали дальнейшему развитию производительных сил. С установлением классового строя государство создало такие условия производства, при которых мог быть ликвидирован экономический кризис, мог произойти переход к земледелию, и на базе земледелия дальше могли развиваться производительные силы.

Во времена Иштвана I экономический кризис осложнялся политическим кризисом, вспыхнувшим с борьбой за власть между князем и начальниками племен. И средства разрешения политического кризиса создало разрешение политического кризиса — основание государства, освободив путь для развития производительных сил. „Государственная идея св. Иштвана“ содержит, таким образом, то историческое указание, что экономический кризис общества разрешается политическим действием, которое ликвидирует устаревшие условия производства и открывает путь перед свободным развитием производительных сил.

Из всего этого следует, что Геза и Иштван с помощью насилия, применяемого ими в ходе основания венгерского государства, создали условия новой, более развитой общественной эпохи. Итак, Геза и Иштван — первые крупные революционеры венгерской истории. А выступавшие против их творения, как, например, Аба Шамуель и трудящиеся массы, являются контрреволюционерами, которые хотели повернуть обратно ход истории. Смотри глазами сегодняшнего дня, может казаться странной такая революция, которая несет на своем знамени лозунг рабства, а не свободы. Но первая великая

историческая революция, создавшая классовое общество, в силу необходимости имеет иной характер, чем революции, разыгрывающиеся в классовом обществе.¹²

Иштвана восхваляют также, как основателя христианской Венгрии, как организатора венгерской христианской церкви. Историческое право этой оценки коренится не только в том, что церковь во время ее организации, в качестве одного из факторов классового строя, выполнила такую же прогрессивную роль, как и государство, другой фактор классового строя, и что она, обладая развитыми методами древней цивилизации, с успехом могла выполнить эту роль. Христианская церковь была наследницей древней цивилизации. Правда, она уже и при возникновении не являлась представителем высшего уровня древней цивилизации. Наоборот, она была продуктом упадка древней цивилизации, продуктом начала ее варваризации. Приход ее к власти сделала возможным эпоха, в которой место знания заняли вера и суеверие, место философии — теология, место астрономии — астрология, в которой прекратились все творческие проявления высшей духовной жизни. И в первые столетия средневековья, в варварской среде, церковь становилась все более варварской. Она заселила мир бесами и демонами, с помощью знахарства, чудес отстранила врачей на задний план, запретила большую часть древней литературы, изгнав ее, таким образом, из общества, провозгласила лозунг „docta ignorantia“, лозунг сознательного невежества. Но даже и в своем варварском состоянии церковь в варварскую эпоху была единственным хранителем остатков цивилизации, особенно с помощью своих монастырей, которые содержали школы, снимали с книг копии, давали работу архитекторам, художникам, даже стремились развивать основу всякой духовной культуры, производства, сельского хозяйства, промышленности и транспорта. Позже церковь внесла в венгерское варварское общество все то, что сохранилось из наследия древней цивилизации, содействовав, таким образом; и этим путем подъему общества из варварства.

¹² И в настоящее время идет полемика по вопросу о том, прогрессивный или регрессивный характер имело массовое движение трудящихся, направленное против формировавшегося феодализма. Однако, если мы принимаем, как мы и должны принять о внимание, что создание классового общества являлось предпосылкой дальнейшего прогресса общества, то мы не можем занять другую позицию, чем та, согласно которой такие движения имеют регрессивный, реакционный характер. То, что содействует прогрессу общества, имеет прогрессивный характер, а то, что препятствует ему, имеет регрессивный характер. На основании источников мы должны констатировать, что массовое движение Аба Шамуеля было направлено против основного творения Гезы и Иштвана, против строя частной собственности на землю. Если бы это движение одержало победу и была восстановлена земельная община, то, по всей вероятности, было бы восстановлены все те учреждения, которые базировались на нее, и общество погрузилось бы вновь в тот экономический кризис, из которого его только что вывели Геза и Иштван.

9. ВЕНГРЫ И СЛАВЯНЕ: ОБРАЗОВАНИЕ ВЕНГЕРСКОГО НАРОДА

Заключительный этап этногенеза венгерского народа разыгрался после занятия страны, на территории Венгрии. Двумя этническими элементами, комбинация которых создала венгерский народ, как новое качество с этнической точки зрения, были занимавший страну венгерский народ и коренное славянское население Венгрии, поскольку это последнее жило на занятой венграми территории. До занятия исторической территории Венгрии мы не можем говорить о венгерском *народе*. Народ — это прочное историческое формирование, а венгерский союз племен до занятия страны, при пастушеском образе жизни, находился в состоянии постоянного разложения — реорганизации. Одни его племена, так саварды, отрывались от союза, другие, так кабары, присоединялись к нему. Венгерский народ, как прочное историческое формирование, создался лишь после занятия страны, на основе оседлого земледелия.

Несомненно, что, как на Кубани, на основе скрещения угров и тюрков, так и в Венгрии на основе скрещения угро-тюрков и славян, создавалась новое этническое образование. Под влиянием заселявших Венгрию славян место полукочевое скотоводства, способа производства занимающих страну венгров, заняло оседлое земледелие вместе с подъемом скотоводства и промышленности на более высокий уровень. Бесклассовое общество превратилось в классовое общество и, на славянской основе создались государственная и церковная организации. Вследствие всего этого, свободные пастушеские племена тюркского характера, скрестившиеся со славянами; были сменены угнетенным крестьянским народом, в значительной степени славянском по своей культуре.

Славянское влияние, привитое тюркско-венгерскому элементу и создавшее венгерскую этнику, отражается в венгерских словах славянского происхождения. Терминология земледелия скотоводства, промышленности, классового строя, государственной и церковной жизни происходит, более или менее, из славянского языка. Терми-

нология повседневной жизни также насквозь пропитана запасом славянских слов.¹³

Kása (каша), lepény (лепешка), galuska (галушка), kalács (калач), tarhonya (тархоня), tészta (тесто), szalonna (сало), pecsenye (жаркое), — кушанья венгерского крестьянина, kemence (печка) — где он варит свое кушанье, zsír (жир), paprika (паприка) — используя которые он изготавливает его, asztal (стол) — на который он подает свое кушанье, lóca (скамейка) — на которую он садится к столу, abrosz (скатерть) — которой он покрывает свой стол, tányér (тарелка) — из которой он ест, villa (вилка) — которой он ест, ebéd (обед) uzsonna, vacsora (ужин) — время, когда он ест, korsó (кувшин) — в котором он держит воду, pohár (стакан) — из которого он пьет, pálinka (водка) — которую он пьет, nyoszolya (кровать), párna, vánkös (подушка) — на которых он спит, эти слова славянского происхождения или попавшие в венгерский язык при посредничестве славянского языка также показывают глубину славянского влияния, как и слова ruha (платье), gatyа (штаны венгерского крестьянина) и subа (шуба), nadrág (брюки) и karca (портянки) — предметы одежды венгерского крестьянина и szoknya (юбка) — одежда крестьянки. Если венгерский крестьянин смотрит в окно (ablak), выходит в сени (pitvar), идет в погреб (pince), в кухню (konyha) или в комнату (szoba), в каморку (kamra), выходит на двор (udvar) или на улицу (utca), если он говорит (beszél), зовет своего кума (koma), ищет своего соседа (szomszéd), обращается к другу (barát), пирует в кабаке (kocsmа), пляшет чардаш (csárdás), смотрит кругом на равнине (tóna) или в степи (puszta), идет в пастухи (bojtár), в разбойники (betyárellet), несет с собой съестные припасы (elemózsia), живет на хуторе (tanya), бросает веревку (pánya) на шею жеребенка, запрягает вола в иго (iga), гонит домой стадо (csorda), берет в руки косу (kasza), укладывает стог (asztag), дает скоту корм (abrak), тянет тачку (talicska), если он работает (dolgozik) или кончает работу (munka) или делает что-нибудь другое — он делает такие дела, которые выражает словами, перенятыми из славянского языка.

Однако, основной запас слов венгерского языка, также как и в связи с тюркским скрещением, остался угорского происхождения. Это является последствием того, что тюркско-угорский элемент на территории своего нового поселения по численности превосходил сла-

¹³ Венгерский язык в его теперешнем состоянии, уже не отражает силу первоначального славянского влияния. Венгерский язык средневековья был полон славянскими элементами, большая часть которых с тех пор исчезла или же, в крайнем случае, осталась в диалектах. Бестерцкий и шлегельский словари, происходящие от начала XVI столетия, показывают влияние славянского языка еще в его первоначальном размере.

вянский элемент. Несмотря на это, развитие венгерского языка после занятия страны также вступило в новый этап. Прежние языки племен сменил тогда народный язык, являвшийся языком высшего типа.

Задача лингвистов показать и подробно исследовать это развитие. Однако, несомненно, что развитие венгерского народного языка сопровождалось проникновением славянских слов в запас слов венгерского языка. Кроме того, развитие языка совпадает с образованием новой, славянского вида венгерской этники. Поэтому в языковом развитии, преобразовавшем языки венгерских племен в народный язык, мы должны видеть одну из сторон того этнического процесса, который, посредством комбинации тюркско-угорского и славянского этнических элементов, создал венгерскую этнику и который сопровождался языковым слиянием этих элементов.

Слияние тюркско-угорского, можем сказать короче, венгерского и славянского этнических элементов основано на этническом слиянии большинства венгров и славян, их трудящихся масс. Слияние продвигалось вперед в таком размере, в каком трудящиеся венгры из свободных пастухов превращались в земледельцев, работающих на помещиков, в каком они, таким образом, как с точки зрения производственного труда, так и с точки зрения производственных отношений, попадали в положение славянских трудящихся. Тождественное положение венгерских и славянских трудящихся привело к их тесному сожителству в производстве, последствием чего было создано условие их этнического слияния.

Начало процесса слияния падает на конец X столетия. Первым свидетельством тесного сожителства венгерских и славянских трудящихся являются совместные венгеро-славянские кладбища, сохранившиеся с тех времен. Но похороненные на этих кладбищах венгры принадлежали еще, в первую очередь, к слою слуг, сложившемуся в венгерском обществе в период до занятия исторической территории Венгрии. Совместные кладбища этой эпохи, по существу, показывают еще не жизненные условия венгерских масс, а показывают то, что с ликвидацией территориальной изолированности славянских слуг смешались славянские и венгерские элементы подчиненного класса. На это показывает также и то, что совместные кладбища мы находим главным образом на бывшей территории племен князя, где славянское придворное население и население крепостей прежде всего было подчинено центральной администрации. Таким образом, здесь началось слияние еще только небольшого венгерского зависимого слоя со славянскими массами.

В массовом масштабе слияние могло начаться в начале XI столетия и особенно в его второй половине когда трудящиеся венгры

массаи попадали под власть короля или частных помещиков. Принадлежавшее к крепостям население, бывшее первоначально славянским населением и фигурировавшее вначале, вероятно, под славянским названием, как „удворники“, во времена Ласло I называлось уже венгерским словом — *őgök* (стражей). Из этого следует, что население крепостей уже в то время заключало в себе большое число свободных венгров и таким образом, слияние двух этнических элементов прогрессировало уже и в кругу населения крепостей. В одном из документов первой половины XII столетия, как признак слияния двух этнических элементов, они, в большинстве случаев, носят уже венгерское название. В течение XII столетия, параллельно с окончанием процесса подчинения свободных венгров под власть помещиков, по существу закончилось этническое слияние венгерского и славянского элементов. В XIII столетии на территории поселения венгров лишь кое-где встречались острова славянского языка и с другой стороны, венгерский народ преобразовывался в народ с культурой славянского типа.

Во времена их этнической изолированности славяне играли важную роль в руководящем слое, позже в господствующем классе венгерского общества. Они в большом числе входили в военные дружины, как это показывает переход в венгерский язык славянского слова *витязь* (*vitéz*) — в X столетии они иногда даже возглавляли сражавшиеся за границей венгерские отряды, и попали в среду главных государственных чиновников, о чем свидетельствуют „ишпаны“ времен Иштвана I, происходящие из среды слуг. В X и XI столетиях мы даже по именам знаем важных лиц славянского происхождения. Так, например, в X столетии — Богат и Дурчак (славянские имена), сражающиеся в 920 г. в Италии, в XI столетии — Стоислав, бывший главным чиновником, может быть одним из „ишпанов-слуг“ Иштвана I и принимавший участие в свержении короля Петера. Таким был при Эндре I „ишпан“ Войтех, а при Шаламоне — кроме Святоплука, начальника личной охраны — ишпан Илия, зять немца Вида, и ишпан Бикач, который, судя по имени, также мог быть славянином. Правда, среди последних могли быть также славяне, пришедшие из-за границы; но, зная исторические данные, зная роль славянских витязей и ишпанов в Венгрии, мы должны искать в них, в первую очередь, славян из Венгрии. Своим общественным подъемом славяне обязаны тому, что они служили опорой властителей против их венгерских противников, вначале опорой начальников против родов, позже — королей против магнатов.

Возможно, что началось также и одностороннее языковое ославянение венгерского руководившего или господствующего слоя.

Побежденный Иштваном I трансильванский „Дьюла“ имел славянское имя Прокуй, в источниках сохранилось также славянское имя — Белокнягины — жены князя Гезы, Шаролты, происходящей из семьи Прокуя. Даже сыновья брата Гезы, Михая имели славянские имена: Вазул (Василий) и Сар Ласло (Владислав). В болгарской истории одним из признаков тюркско-болгарского языкового ославянения является то, что в тюркско-болгарской царской семье появились славянские имена. Славянская среда венгерских магнатов и предполагаемые брачные связи с знатными славянскими семьями могли положить начало процессу одностороннего языкового ославянения.

Но, если этот процесс даже и начался, то он не мог развиваться до конца, так как в результате того, что в языке славянских масс, благодаря совместному проживанию с венгерскими массами, взяли верх венгерские элементы и так в конечном итоге иссохли питавшие его источники. Правда, в династии Арпада и позже можно встретить славянские имена, даже ее члены находились под непосредственным и сильным славянским влиянием. Прозвище Белы I — Бенин (Байнок) — также славянского происхождения, а Ласло I, по словам польского летописца Галлуса, „по его привычкам и образу жизни был похож на поляка“. Но это было уже лишь последствием политической и брачной связи царствующего дома с заграничными славянами.

10. ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА

В государственном строе вместе с исчезновением союза племен и организации племен исчезла и организация родов. Племена рассеялись по всей стране и смешались друг с другом. Это можно установить из того, что названия племен встречаются во всей стране как названия местностей. В том, что племена рассеялись по всей стране, надо видеть результат сознательного действия, связанного с организацией государства. Надо предполагать, что Геза и Иштван I, после одержания победы над племенами, разбросали их по стране, чтобы с помощью ликвидации их организации ослабить антигосударственные силы. Во всяком случае такого поступка требовала целеустремленная организация государства. История показывает много примеров применения такого мероприятия по отношению к побежденному врагу при подобных общественных условиях. Так поступил, между прочим, и король Кальман с населением измаелитских деревень.

Однако, если Геза и Иштван считали нужным разбросать племена, то мы должны предположить и то, что они применили такое мероприятие и по отношению к родам. Роды являлись наиболее сплоченными политическими единицами старого общественного строя. Если организовавшие государство князья считали необходимым разбросать племена, имевшие шаткую организацию, то было еще более необходимым расселить родичей. Трудно представить, что раздробление племен произошло при сохранении единства родов. Организационная ликвидация родов в ходе войн, ведущих к организации государства, является объяснением того, что роды, как организационные единицы в государственном строе уже не играли роли.

Дворянские роды феодальной эпохи, против взгляда реакционной историографии, нетождественны с родами пастушеской эпохи. Дворянские роды, как это точно изложил историк права Ференц Экхардт, являются потомками приобретшего имущество предка, имеющими определенные права на происходящее от их предка имущество. Основой принадлежности друг к другу членов дворянского рода является это имущество, а не происхождение их от общего предка. Членами дворянского рода являются не родственники,

происходящие от общего предка, а лишь потомки приобретшего имущество предка. Таким образом, дворянский род является другим формированием, чем род пастушеской эпохи. Дворянский род не является группой кровного родства, в которой кровные родственники живут в имущественном (земельном) коллективе, а определенной группой имущественного коллектива, члены которой связаны кровным родством: это не естественное формирование, основанное на общем происхождении, а общественное формирование, основанное на признанном общественном учреждении имения. Дворянский род может иметь и двух предков в том случае, если имущество, служащее основой рода, приобрели два брата. (Роды Гут-Келед, Хонт-Пазнан.) Однако, природа еще не породила близнецов-отцов, она породила только близнецов-братьев.

Феодальные дворянские роды находятся лишь в исторической взаимосвязи с родами пастушеской эпохи, но эта взаимосвязь тем более существенна. Дворянские роды обязаны своим существованием ликвидации пастушеских родов, также как и строй, к которому они принадлежат, обязан своим существованием ликвидации бесклассового общества. Они возникли на месте разрушенной родовой организации, на основе экспроприации общей родовой земельной собственности, на основе введения дворянской собственности на землю. Они являются продуктом феодального строя частной собственности (который был связан с определенными формами имущественного коллектива) и их история принадлежит к истории феодальной эпохи.

Некоторые черты организации пастушеских родов, хотя и в выродившейся форме, во всяком случае, можно найти и в организации дворянских родов. Так, прежде всего, определенные формы имущественной общности, регрессировавшие по сравнению с имущественной общностью первоначальных родов. Затем, систему брачных запретов, которые довольно сильно ограничивали заключение браков внутри первоначальной родовой экзогамии. „Tripartitum“* Вербёци не только запрещает брак между четверюродными родственниками, но и объявляет такой брак уголовным преступлением. Поэта Балинта Балашшу,** женившегося на двоюродной сестре, преследовали, как кровосмесителя. Сюда относится также и уголовная ответствен-

* После подавления большой крестьянской войны 1514 г. Verböczy записал венгерское обычайное право под заглавием *Tripartitum opus juris consuetudinarii regni Hungariae*. Целью работы явилось сохранение жалкого положения прикрепленного к земле крестьянства и обеспечение законным путем привилегии помещиков. Издания Трипартитума см. *Bartonek Emma, Magyar történeti forráskiadványok*. Будапешт, 1929. стр. 20.

** Балашша Балинт, венгерский магнат в XVI. веку, первый большой венгерский поэт, сочинения которого сохранились.

ность родственников друг за друга и религиозное уважение к приобретенному имуществу предку, сузившееся в христианских формах.

Но пережитки родовой организации мы найдем также и вне дворянских родов, мы найдем их даже, в первую очередь, под ними и против них, в сельских общинах, которые являлись истинными наследниками старых родов, самыми верными хранителями их духа. В сельских общинах трудящихся в изменившейся структуре сохранилась родовая земельная общность и, со временем, в них развился и дух сотрудничества, характерный для родовой организации в эпоху ее расцвета.

То, что сельские общины остались родственными формированиями в государственном строе и после разгромления родов, показывает упорство традиционной организационной силы родственной связи. Деревни развивались вместе с распространением земледелия. В земледельческих сельских общинах, по сравнению с жившими отдельно большими семьями пастушеской эпохи, жило несколько родственных больших семей. (Небольшие кладбища времен занятия территории Венгрии, начиная с XI столетия постепенно сменяются более крупными кладбищами.) Происходящие друг от друга большие семьи остались вместе и вместе составляли сельскую общину. Поголовье скота по сравнению с пастушеской эпохой уменьшилось и улучшились природные и общественные условия скотоводства. Поэтому для скота, принадлежавшего большим семьям уже не нужны были отдельные пастбища и водопой; но, с другой стороны, защита их имущества и сотрудничество в производстве требовали их сплочения.

В законах XI столетия родственная сельская община, „родственная деревня“, фигурирует под названием *parentes, cognati* (родственники). По законам Иштвана I колдуны и чародей выдаются для наказания „родственной деревне“, и в случае убийства, или, если муж убивал свою происходящую из рода жену, деревне полагалась вира или часть ее. Виру еще и по законам Ласло I получали родственники; они выступали в случае противозаконного ареста одного из членов рода, род выдавал пойманного на воровстве члена и ему выдавалось женщина, имевшая запретную связь с попом.

Но в конце столетия, в законах Кальмана, род уже не фигурирует. Родственная деревня имела судьбу других родственных связей: она разложилась, как и те, под давлением государственного строя. В это время большая семья оставила деревню, чтобы освободиться от произвола, от преследований со стороны ишпана. В другом месте строгость уголовных законов принудила другую большую семью переселиться в отдаленную местность. В третьем месте одна

большая семья, ищя защиты, переселилась в деревню ишпана, друга — в деревню епископа или на землю королевских, придворных людей.

Место переселившихся из деревень заняли неродственные большие семьи и, кроме них, потомки покорившихся славян, а также рабы, поселенные там барами. Этим был ликвидирован родственный характер сельских общин. Теперь в деревнях с соседстве друг с другом жили уже семьи различного происхождения, родственные деревни стали „соседскими деревнями“.

С XII столетия первичными единицами общественной организации были эти соседские деревни. Но они включились в высшие единицы общественной организации, в комитаты и феодальные поместья не в их единстве, не в их территориальной взаимосвязи, как включались пастушеские роды в племя. (В более широком смысле и феодальные поместья, включая сюда и придворные поместья короля, были частями общественной организации.) Одна часть населения деревень принадлежала к одному комитату или феодальному поместью, другая же часть к другому комитату или поместью. Комитаты и феодальные поместья связывали друг с другом не территориально принадлежащие друг к другу целые деревни, а включали в себя части населения разбросанных деревень.

Какого характера была всязь между отдельными элементами населения деревень и высшими единицами? Эта всязь была личной всязью, отношением личной зависимости, прикреплявшей трудящихся к ишпанам крепостей или к помещикам, или же к ишпанам придворных хозяйств. Высшие единицы, комитаты и поместья включало в государство также то отношение личной зависимости, которое связывало ишпанов и помещиков с королем, стоявшим во главе государства, во главе общественной организации. В общественной организации исчезли родственные всязи, их место по всей линии заняли отношения личной зависимости. Такое развитие соответствовало основному направлению общественного развития, в корне преобразовавшему венгерское общество. В конце XII столетия венгерское общество было уже феодальным классовым обществом, в котором непосредственные производители находились в личной зависимости от собственников средств производства, т. е. земли, но, обладая землей и другими средствами производства, они работали самостоятельно и собственными средствами производства.

ФЕОДАЛИЗМ И ДОФЕОДАЛИЗМ

1. Понятие феодализма и его место в истории

Общеизвестно, что буржуазная историография никак не может справиться с понятием феодализма. Вначале она определила его, как политико-правовую систему, затем его сущность видел в системе феодальных поместий, и позже, как непригодный, отбрасывал его. Правда, последнее время одно из направлений буржуазной историографии вновь признает феодализм в качестве политического понятия, но в то же время другие ее представители толкуют его самым различным образом.

Что же означает феодализм? Понятие феодализма происходит из общественных отношений средневековой Европы, является их идейным отражением. Эти отношения, в их форме непосредственного появления, в общем характеризует то, что здесь люди „все зависимы — крепостные и феодалы, вассалы и сюзерены, миряне и попы. Личная зависимость характеризует тут общественные отношения материального производства в такой же степени, как и иные, воздвигнутые на этой основе сферы жизни отношения личной... зависимости составляют основу данного общества...“ (Маркс, Капитал. Госполитиздат, 1949. т. I. 42. стр.) Согласно этому, феодализм является системой личной зависимости, как в отношениях между помещиками и крепостными, между господствующим и подчиненным классом, так и в отношениях между феодалами и вассалами, т. е. внутри господствующего класса.

Первые буржуазные определения феодализма имели в виду общую политическую-правовую организацию феодального общества и, в первую очередь, внутренний строй господствующего класса. Но основным слоем общественной организации является производственная организация. А в классовых обществах, к которым принадлежит и феодальное общество, основными отношениями являются отношения, существующие между господствующим и подчиненным классами. Основной характер классового общества определяется этими отношениями, а не общей формой политическо-правовой

организации. Таким образом, если мы хотим определить понятие феодализма, то мы должны исходить из отношений между господствующим классом и подчиненным классом в феодальном производстве, то-есть из феодальных производственных отношений. Как мы видели, эти отношения непосредственно характеризует то, что крепостные, т. е. непосредственные производители, находятся в личной зависимости от помещиков, т. е. от собственников средств производства и земли. Согласно этому, каждое общество, в котором члены подчиненного класса, непосредственные производители, находятся в личной зависимости от членов господствующего класса, от собственников средств производства и земли, должно было быть феодальным обществом, без различия в том, проявляется-ли система личной зависимости внутри господствующего класса, т. е. не взирая на общую форму политическо-правовой организации общества.

Однако, это определение еще не удовлетворительно. Оно пригодно для квалификации феодальными тех европейских обществ, в которых существовали феодальные производственные отношения без того, чтобы политическо-правовую организацию характеризовала система личной зависимости. Оно пригодно и для отличия феодального общества от буржуазного общества, так как в последнем непосредственные производители не находятся в личной зависимости от собственников средств производства, а, наоборот, свободны в их личности. Но оно уже не пригодно для отличия феодального общества от рабовладельческого общества. Производственные отношения в рабовладельческом обществе точно также характеризует и то, что непосредственные производители, рабы, находятся в личной зависимости от собственников средств производства и земли, от рабовладельцев.

Таким образом, определение феодального общества надо расширить таким определением, на основании которого его можно отличить от рабовладельческого общества. Это определение надо брать, естественно, также из производственных отношений, т. е. надо установить, в чем состоит основная разница между феодальными производственными отношениями и рабовладельческими производственными отношениями. На эту разницу указал уже Маркс: в крепостническом обществе „непосредственный производитель владеет здесь своими собственными средствами производства... он самостоятельно ведет свое земледелие как и связанную с ним сельско-домашнюю промышленность... Данная форма тем и отличается от рабского или плантаторского хозяйства, что раб работает при помощи чужих условий производства и не самостоятельно.“ (Капитал. Госполитиздат, 1949. т. III. стр. 803.) Таким образом, рабовладельческое общество — это такое

общество, в котором непосредственные производители не только находятся в личной зависимости от собственников средств производства и земли, а одновременно с этим, исключены из владения средствами производства, работают чужими средствами производства и не самостоятельно. А феодальное общество в конечном итоге является таким обществом, в котором непосредственные производители одновременно с их личной зависимостью от собственников средств производства и земли, владея землей и другими необходимыми средствами производства, работают собственными средствами производства и самостоятельно.¹⁴

Крепостные, владея землей и другими необходимыми средствами производства, в экономическом отношении самостоятельны. Рабы, исключенные из владения средствами производства, в экономическом отношении не самостоятельны. Экономической самостоятельности крепостных соответствует правовая самостоятельность, такое правовое положение, в котором личность и имущество крепостных принципиально пользуется определенной, более или менее широкой правовой защитой. С другой стороны, экономической несамостоятельности рабов соответствует правовая несамостоятельность, такое правовое положение, в котором рабы принципиально полностью бесправны.

В исторической действительности экономическое и правовое положение не совпадают в силу необходимости. Непосредственный производитель может владеть землей и необходимыми средствами производства и в то же время может быть полностью бесправным. В этом случае он в экономическом отношении является крепостным, а в правовом отношении — рабом. С другой стороны, он может быть исключен из владения средствами производства и одновременно с этим пользоваться определенной правовой защитой. В этом случае он в экономическом отношении является рабом, в то время, как в правовом отношении разделяет судьбу крепостного. Однако, так как экономическое положение является основным, то непосредственный производитель, владеющий землей и необходимыми средствами производства, обычно раньше или позже приобретает и личные и имущественные права. С другой стороны, то обстоятельство, что исключенный из владения средствами производства непосредственный производитель пользуется определенной правовой защитой, является

¹⁴ В вышеприведенном определении владение означает действительную власть. Крепостные имеют действительную власть над землей и необходимыми средствами производства, в чьеи-бы собственности они не были. Они непосредственно распоряжаются этими средствами производства и поэтому работают самостоятельно. С другой стороны, рабы не имеют действительной власти над средствами производства. Ими распоряжаются непосредственно их хозяева, и поэтому рабы работают не самостоятельно.

выражением того, что потребности общества требуют экономической самостоятельности непосредственных производителей и так показывает, что осуществление их экономической самостоятельности уже близко.

Точное разграничение феодального и рабовладельческого обществ является предпосылкой определения характера венгерского классового общества, сформировавшегося на месте бесклассового общества в X—XII столетиях. Однако, прежде чем приступить к осуждению этого вопроса, необходимо выяснить один предшествующий вопрос.

В марксистских кругах распространено мнение, что, согласно указаниям классиков марксизма, Маркса и Энгельса, первой исторической формой классового общества является рабовладельческое общество, в том смысле, что из разложения бесклассового общества в силу необходимости породилось рабовладельческое общество. Если этот взгляд правилен, то и венгерское классовое общество, сформировавшееся в X—XII столетиях, безо всякого надо было бы считать рабовладельческим обществом. Однако, этот взгляд неправилен и не соответствует указаниям классиков марксизма.

В этом вопросе обычно ссылаются на Энгельса, а именно, на одну часть текста его труда „Происхождение семьи, частной собственности и государства“, которая гласит: „С появлением рабства, достигшего при цивилизации наивысшего развития, произошло первое крупное разделение общества на эксплуатирующий и эксплуатируемый классы. Это разделение продолжало существовать в течение всего периода цивилизации. Рабство — первая форма эксплуатации, присущая античному миру; за ним следуют: крепостное право в средние века, наемный труд в новое время. Таковы три великие формы порабощения, характерные для трех великих эпох цивилизации; открытое, а с недавних пор замаскированное рабство всегда ее сопровождает.“ (Маркс и Энгельс, Сочинения. т. XVI. ч. 1. стр. 151.)

О чем идет здесь речь? Речь идет о тех формах рабства или классового общества, которые характерны для отдельных крупных исторических эпох, для античного мира, для средневековья и для нового времени. Эти формы чередуются в хронологическом порядке, но хронологическая очередность не определяет историческую очередность форм одного определенного общества и не представляет также и историческую очередность форм общего общественного развития. Хронологическая очередность основана на очередности крупных всемирноисторических эпох, античного мира, средневековья и нового времени. Установлению этой очередности не противоречит то предположение или факт, что одно определенное бесклассовое

общество в преедисторической эпохе, или в античном мире, или в средневековье или-же в новом времени первой из форм классового общества приняло форму крепостнического общества (феодалного общества). Очередность показывает лишь на то, что из форм классового общества в античном мире господствовавшей формой было рабовладельческое общество, в средневековье — феодальное общество, а в новое время — буржуазное общество.

Другой вопрос, какую форму классового общества приняло первое греческое и римское общество античного мира. Точка зрения Энгельса — и Маркса — была такова, что оно приняло форму рабовладельческого общества. Но уже что касается немецкого (германского) общественного развития, то Энгельс занял такую позицию, что оно породило первым не форму рабовладельческого общества, а форму феодального общества: „Отношения между могущественными землевладельцами и зависимыми от них крестьянами эти отношения (т. е. крепостные отношения), которые в Риме вели к безысходной гибели античного мира, ставились теперь исходным моментом нового развития (для германцев. Э. М.).“ Далее: германцы „могли развить и сделать господствующей уже существовавшую у них на родине более мягкую форму зависимости (т. е. крепостничество), в которую и в Римской империи все более и более переходило рабство“ и наконец „они не довели у себя рабства до его высшего развития, ни до античного трудового рабства, ни до восточного домашнего рабства“. (Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XVI. ч. 1. стр. 131—133.)

Таким образом, Энгельс в вопросе о том, в какой хронологической очередности, принимая во внимание общее общественное развитие, следуют друг за другом формы классового общества, занял такую позицию, что общественное развитие в этом отношении разыгрывается не единообразно. Так как в то время, как римское общество приняло первую форму рабовладельческого общества, германское общество приняло форму крепостнического, то-есть феодального общества.

Наряду с этим, Энгельс особо подчеркнул, что для того, чтобы классовое общество в античном мире создалось в форме рабовладельческого общества, нужны были специфические исторические условия. „При исторических условиях древнего, в частности греческого, мира переход к общественности, основанной на классовой противоположности, мог совершиться только в форме рабства.“ (Маркс и Энгельс, Сочинения. т. XVI. ч. 1. стр. 184.) Согласно этому, рабовладельческое общество в античном мире стало первой формой классового общества на основании специфических исторических условий этой эпохи; переход к обществу, основанному на классовых противоречиях, при

других исторических условиях, мог произойти и в другой форме; таким образом, рабовладельческое общество нельзя считать той формой, в которой вообще разыгрывается переход к классовому обществу.

Маркс также перечисляет формы классового общества. В его труде „К критике политической экономии“ говорится: „В широких чертах прогрессивными эпохами экономической общественной формации можно считать азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства“.

Очередность форм здесь такова же, как и у Энгельса, с той разницей, что ряд, в его начале, расширяется азиатским способом производства. Может быть это означает, что Маркс, в противоположность Энгельсу, считал „азиатское общество“ первой неизбежной формой классового общества? Отнюдь нет.¹⁵ Маркс устанавливает очередность, как он сам ясно говорит это, на основании степени развития отдельных способов производства (классовых обществ). Самой примитивной из форм классового общества является азиатское общество, более развитой — античное рабовладельческое общество, еще более развитой — феодальное общество, а самой развитой — буржуазное общество.

Наряду с этим, естественно, рабовладельческое общество, феодальное общество и буржуазное общество являются также звеньями взаимозависящего исторического развития. Средневековое феодальное общество развилось из античного рабовладельческого общества, а буржуазное общество нового времени из средневекового феодального общества. И, одновременно наглядно показывая ступени прогресса, очередность выражает этим и то, что историческое развитие порождает все более прогрессивные общественные формы — при чем, конечно, возможны временные упадки.

Что следует из всего этого? Из этого следует то, что историческая теория Маркса и Энгельса открывает науке свободный путь для определения характера классового общества, сформировавшегося в ходе общественного развития какого-нибудь народа. Этот вопрос, за отсутствием общей закономерности, надо разрешить на основании фактов. Посмотрим, что показывают факты, когда речь идет о том, в какой форме создано общество развитием венгерского народа.

¹⁵ Здесь я не останавливаюсь подробно на вопросе азиатского общества, которое, между прочим, советская историсграфия считает одной из разновидностей рабовладельческого общества, так как обсуждение этого вопроса не затрагивает интересующих нас вопросов.

Возможны два решения и соответственно этому имеются два противоположных друг другу взгляда. Согласно первому, разложение бесклассового общества в истории венгерского народа привело к формированию рабовладельческого общества, согласно второму — к формированию феодального общества.

2. Развитие феодализма в Венгрии

Чем могут аргументировать сторонники теории рабовладельческого общества? Источники обычно под названием „servi“ упоминают слуг, не принадлежавших к группе свободных людей (*liberi*). Таким образом, названием „servi“ обозначают не только вообще захваченных на войне или купленных рабов, а также и потомков коренных жителей страны, которые в ходе занятия венграми исторической территории страны попали под их власть и, несомненно, не принадлежали к группе свободных людей. А слово „servus“ — латинское название раба. Следовательно рабами стали и коренные жители страны, а также и их потомки. Эти две группы рабов, включая в их число и рабские элементы занимавшего страну общества, а также проданных в рабы за преступление, уже в конце X столетия могли составлять большую часть трудящихся или, по крайней мере, своим большим числом наложили свой отпечаток на слой трудящихся и, во всяком случае, на слой трудящихся, находившихся в зависимом положении. Итак, венгерское общество после занятия исторической территории страны приняло форму рабовладельческого общества.

В связи с этим надо, прежде всего, отметить, что название „servi“ относится к правовому положению слуг и выражает их правовую несамостоятельность, их рабское правовое положение. С экономической точки зрения преобладающее большинство слуг, называемых „servi“, вернее всего, было независимым, т. е. владело землей, за счет обработки которой жило, и необходимыми средствами производства. Таким образом, с основной экономической точки зрения, их во всяком случае надо считать крепостными, а рабами они могут считаться только лишь с подчиненной правовой точки зрения.

Однако, поднимается вопрос; попали-ли в ходе занятия страны ее коренные жители действительно в правовое положение рабов? Действительно, можно сказать, что в определенном смысле и на короткое переходное время они попали в такое положение.

Венгры, занимавшие историческую территорию страны, установили свою власть путем грубого насилия над таким народом, от которого их в равной степени отделяли как язык, так и способ про-

изводства и культура. Маловероятно, что они немедленно начали эксплуатацию в организованных формах. Вероятность говорит скорее за анархистическую форму. События могли разыграться подобно тому, как описывает в VII столетии франконский Фредегар отношения между захватническими аварами и покоренными славянами: „Авары ежегодно шли к славянам на зимовку; тогда они брали из среды славян женщин и детей и использовали их и, в завершение всех насилий, славяне были обязаны платить аварам дань“ — и кроме того нести военную службу. Эксплоатация могла происходить в импровизированной форме грубого насилия, причем личность и имущество покорившихся славян полностью были выданы на произвол победителей. Они могли забирать от славян, что они хотели, могли прогонять их с их земель, даже могли убивать их. Таким образом, положение покорившихся славян характеризовалось полным бесправием и, в этом смысле, они действительно находились в правовом положении рабов. Но, конечно, здесь речь идет не столько об общественном учреждении рабства, как скорее о первых формах отношений между победителями и покоренным народом.

Это положение, однако, быстро изменилось. Покорившиеся славяне вскоре завоевали себе права, так же, как и захваченные и купленные рабы, если они были посажены на землю. (Начиная с XII столетия ввоз рабов в страну сокращался.)

Анархистическая форма эксплуатации не обеспечивает ее систематического и непрерывного проведения. Венгерский господствующий класс должен был перейти к организованным формам эксплуатации и, если он хотел поступать рационально, то он должен был применять эти формы также и по отношению к захваченным и купленным рабам. А при данных условиях организация эксплуатации заключала в себе и ее ограничение.

Так как большинство слуг, как, например, „участковые рабы“ (получившие участки земли) работали самостоятельно, то результат их работы, по сравнению с несамостоятельными рабами пастушеской эпохи, при трудностях контроля, по существу, зависел от них самих. Поэтому до тех пор, пока знать без ограничения могла эксплуатировать труд слуг, эти последние едва-ли работали больше, чем было необходимо для самосодержания. А знать, при таких обстоятельствах, посредством работы слуги получала лишь незначительное и при том неопределенное, колеблющееся количество налоговой продукции. Таким образом, ограничить требования по отношению к труду слуги, сохраняя для себя лишь определенную часть этого труда, было в интересах знати. Итак, для слуги был уже смысл выполнять опреде-

ленную, требуемую от него знатью работу, так как взамен этого он для самого себя мог использовать оставшуюся часть своего труда.

Соответственно этому, мы уже из первого сохранившегося до наших дней документа, из учредительной грамоты веспремвельдского женского монастыря, составленной на греческом языке во времена Иштвана I, видим, что слуги постоянно делились на группы, каждая из которых заботилась об удовлетворении какой-либо из потребностей „господ“, что выражалось также и в названии этих групп. В учредительной грамоте монастыря фигурируют земледельцы, виноградари, стольники, пчеловоды, рыбаки, возчики, паромщики и различные кустари, на которых, вероятно, кроме выраженной в их названии главной службы, лежали и качественно установленные обязательства. Эта система соответствовала требованиям хозяев слуг, так как в те времена, которые характеризовались медленным развитием производительных сил и натуральным производством, потребности „господ“, принимая во внимание их качество и их взаимные отношения, были более или менее неизменными. Итак, обязательства слуг, что касается их качества, начали принимать определенную форму уже во времена Иштвана, даже, по всей вероятности, и раньше.

Часть обязательств слуг вскоре стал определенной также и в количественном отношении. Сюда относятся, в первую очередь, налоги на продукты сельского хозяйства, охоты, рыболовства, соляного производства, относительно которых барские потребности едва изменились и с количественной точки зрения.

Вместимость барского желудка не возросла, „желудочные стенки являлись пределом эксплуатации крестьян“. Таким образом, слуга рыболов или земледelec, в течение долгого времени поставлял своему барину одинаковое количество рыбы или обрабатывал одинаковую площадь земли. На этой основе сложился принятый порядок количества поставок. А изменение обычая не только не было в интересах землевладельца, а наоборот, его прямым интересом было ее признание. Классовые отношения базировались на обычаях, на традициях, и помещик мог требовать от слуг уважения к этим традициям лишь в том случае, если он сам с уважением относился к традиционному количественному порядку поставок.

В источниках, так в одном из документов времен Иштвана II от первого десятилетия XII столетия, говорится о барщине, выполняемой „по обычаю венгров“. В XII столетии началось письменное зафиксирование количества повинностей, в связи с чем их определенность приняла более прочную форму. Характерно, что первыми были установлены поставки виноградарей, этих высоко ценимых специалистов. Так в учредительной грамоте веспремвельдского

женского монастыря от 1109 года говорится, что каждый виноградарь или семья каждого виноградаря должны поставлять монастырю 60 бочек вина. Жалованная грамота чатарского аббатства, изданная около 1140 года, устанавливает уже и число дней барщины для земледельцев — 3 дня в неделю во время полевых работ.

Правда, что касается других повинностей, то их точное количество не было определено. Сюда относятся, главным образом, такие повинности, в связи с которыми барские потребности изменились; например, стройка и ремонт зданий, что, согласно предписанию учредительной грамоты дёмёшского аббатства от 1131 года, надо было выполнять по поручению; или перевозка грузов и обсуживание барина при его поездках, чем вышеупомянутая грамота чатарского аббатства безо всякого ограничения отягощала слуг.

И слуги, не могли настаивать на тех повинностях, которые были установлены когда-то для него или для его предков. Если даже взаимные отношения барских потребностей были более или менее постоянными, все же случайные обстоятельства могли создать иногда необходимость увеличения одной группы слуг за счет сокращения другой группы, а также необходимость обмена людей, принадлежавших к отдельным группам и, в связи с этим, переселения слуг из одной местности в другую.

Соответственно этому в жалованной грамоте лелесского аббатства, датированной от 1214 года, говорится, что пожалованные либертины „в зависимости от дел могут быть переселены с одного места на другое, с одной службы на другую“. Многие примеры подтверждают это правовое положение слуг королевских крепостей, удворников и других. А за границы переселение венгерского населения из одного диоцеза в другой считалось венгерским обычаем.

Таким образом, прикрепленные к своим хозяевам слуги, не были в то же время прикреплены и к земле. Они не являлись неотделимой принадлежностью определенного участка земли, итак, не могли предъявлять своим хозяевам претензий на свою землю. Хозяин мог отчуждать слугу и без земли, как мы видим это из случая одного либертина, происшедшего в 1256 году. Как видно из многих примеров, хозяин мог отчуждать и землю без слуги.

Однако, какая польза от качественного определения повинностей, если слугу, по усмотрению хозяина, можно переводить с одной службы на другую? И какая польза от количественного определения повинностей, если выполнения одной их части можно требовать безо всякого количественного ограничения и тем самым можно неограниченно повысить все обязательства? Не означает-ли это;

что хсзяин неограниченно распоряжался рабочей силой слуги и, таким образом, слуга находился в правовом положении раба?

Повидимому это было так. Однако, в действительности качественное определение повинностей заключало в себе и их количественное определение. То, что слуга по приказу должен был неограниченно выполнять на барина работы по перевозке, на практике означало, что количество этих работ определялось потребностями его барина. А эти потребности не были неограниченными: их объем, как высший, так и низший предел, определялся вообще общественными, особенно местными условиями. В силу этого, действительно было определено и количество труда, только не в постоянном, а в изменяющемся объеме. (Французские суды определяли даже и точное время длительности барщины по приказу, „*corvée à merci*“.) Таким образом от слуги не требовалась работа, превышающая определенный объем. Так, повинности по приказу в связи с их качественным определением были определены и количественно пределами этого количества и в соответствии с этим все повинности одного слуги, в этой форме, были определены также и в количественном отношении. В течение поколений хозяин только в таком образом определенном размере пользовался рабочим временем слуги. Вследствие этого обычай, традиции, признанные ссылающимся на них барином, создались и по отношению к количеству всего экспроприированного, сверхурочного труда слуги, даже, в первую очередь, именно в этом отношении. В конечном итоге обычай установил количества лежащей на слуге сверх работы, хотя и в размере, изменяющемся в определенных рамках и предоставил помещику свободу действия в области изменения качества сверхурочной работы слуги без того, чтобы затронуть ее количественные пределы.

Таким образом, если слуга был поставлен на другую работу, он мог претендовать на то, чтобы время его труда не увеличилось. Эндре II при пожаловании комитата „Гора“ топусскому аббату* предоставил на усмотрение аббата изменит-ли он повинности и сборы, лежавшие до тех пор на слугах комитата. Но в то же время, принимая во внимание упомянутый выше правовой принцип, он поставил условие, что в случае изменения повинностей и сборов, они должны быть равными прежним.

Подобно этому, в случае переселения слуг на новую землю, была призвана и претензия слуг на землю, необходимую для их пропитания. Даруя гёмёрскому протопопу Яношу землю шести

* Codex diplomaticus Arpadianus continuatus. т. XI. Будапешт, 1873. стр. 10—11.

своих слуг в комитате Нитра, Иштван V принял меры к тому, чтобы они получили достаточное количество земли в другом месте.

Слуги, уже начиная с XI столетия, приобрели также и право собственности на необходимые средства производства. Это мы видим из 63 пункта решения I эстергомского собора, в котором фигурируют и церковные слуги, обрабатывающие землю на своих волах. Это выясняется также и из уголовных законов, которые разрешают слугам выплачивать наказание бычками или другими имущественными ценностями. (6 статья II закона короля Иштвана и 2 статья II закона короля Ласло, в которых говорится о слуге-воре.)

Таким образом, в течение X—XII столетий обычай постепенно определил объем работы слуг, создала их собственность на движимое имущество и узаконила их претензию на землю. А сам обычай принял форму общественно принятого обычного права. В случае нарушения этого права слуги могли обращаться в государственный суд. Уже король Кальман назначил суд, компетентный вести дела в спорных вопросах между ишпанами и населением крепостей. (13 статья I закона.) А начиная с первой половины XIII столетия королевский суд вел много процессов по спорным делам между слугами и их хозяевами.

Все это относится еще не ко всем слугам, не ко всем „servi“. И в XIII столетии шла купля-продажа бесправных рабов. В XIII столетии можно встретить также и участковых рабов, трудовые повинности которых были еще совсем не определены. Такие рабы, обязанные выполнять различные, требуемые от них аббатом поставки, жили, например, в деревне гарамсентбенедекского аббатства. Однако, к концу XII столетия преобладающее большинство „servi“ приобрело упомянутые выше „свободы“. Их упоминают иногда как „libertini“, освобожденные слуги, по сравнению с бесправными рабами, „подлинными“ слугами. Составители документов применяли церковную терминологию, в которой термин „servi“ имеет широкое значение. (С точки зрения церкви, в конце концов, каждый человек является слугой бога: „servus Dei“.) И при этом освобожденных и „подлинных“ слуг действительно объединяло то, что в противоположность свободным людям, которые при определенных условиях могли оставлять своего хозяина, они безусловно, в их личности были прикреплены к своему барину.

Что означает то, что преобладающее большинство „servi“ стало действительно „libertini“? Это означает, что преобладающее большинство слуг в течение X—XII столетий постепенно приобрело права, т. е. приобрело правовую самостоятельность. Среди потомков покорившихся славян этот процесс мог начаться в X столетии, а

среди захваченных и купленных рабов он начался после различных сроков поставления их на земле. Так преобладающее большинство слуг, что касается их правового положения, из состояния покоренного народа или рабов поднялось на уровень крепостных. Так прекратилась противоположность, существовавшая между экономической самостоятельностью и правовой несамостоятельностью участковых рабов. Второстепенное правовое положение непосредственного производителя сообразовалось с его основным экономическим положением.

Из этого однако следует, что в X—XII столетиях положение слуг („servi“), характеризуется не рабством, а постепенным переходом их из состояния рабства в состояние крепостничества. И, в это же время, подобный процесс разыгрывался и в кругу свободных венгерских трудящихся, с той разницей, что он исходил с противоположной стороны. Их широкие массы из независимого в экономическом отношении состояния попали в крепостническое состояние, в состояние зависимости в экономическом отношении. В X—XII столетиях и их положение характеризуется также не определенным состоянием, не состоянием экономической зависимости или независимости, а постепенным переходом состояния экономической независимости в крепостническое состояние экономической зависимости.

Таким образом, производственные отношения X—XII столетий определяет не сформировавшийся общественный строй, а формирование одного нового общественного строя. Этот общественный строй был феодализм, так как в сформировавшемся к концу XII столетия общественном строе мы находим массы непосредственных производителей в положении личной зависимости, но в то же время и во владении определенных прав. А так как, согласно этому, X—XII столетия являются эпохой формирования феодального общества, то общественные отношения этой эпохи мы можем соединить в понятии дофеодального общества — общества, непосредственного предшествовавшего и создавшего феодальное общество. Таким образом, понятие дофеодального общества обозначает не определенный общественный строй, а указывает на формирование определенного общественного строя. В рамках дофеодального общества разыгрывается последний этап длительного процесса распада бесклассового общества, который ведет непосредственно к эпохе классового общества, к тому же к эпохе феодального классового общества.¹⁶

¹⁶ В советской исторической науке в настоящее время уже не является спорным вопросом то, что распад бесклассового общества и у славянских народов вел к формированию не рабовладельческого общества, а к формированию феодального общества.

Мы называем венгерское общество конца XII столетия феодальным обществом потому, что в нем между господствующим и подчиненным классом существовали производственные отношения феодального характера. Здесь не играет роли вопрос политическо-правового строя и внутренней организации господствующего класса. Все-же мы упоминаем, что политическо-правовой строй венгерского общества конца XII столетия показывает ряд таких черт, которые даже и в смысле подлинного буржуазного определения имеют феодальный характер. Одна такая черта — надстройка общественной организации на отношения личной зависимости. Не только трудящиеся находились в личной зависимости от феодалов. Члены господствующего класса также были связаны личной верностью с королем, по отношению к которому они находились в положении личного подчинения.¹⁷

Сюда относится также и постепенное раздробление собственности, вооруженных сил и государственной власти и присоединение их к крупному вотчину, а также общественная анархия. Отношения, связывавшие в строе владений короля — главного собственника территории страны, комитатских ишпанов — временных собственников комитатов и комитатских крепостных друг с другом, также напоминают о расчленении феодальных владений по служебной иерархии. Итак политическо-правовые отношения формировались соответственно общим закономерностям феодальной формации средневековой Европы.

¹⁷ По Анониму, князь Арпад и его благородные в Пустасере урегулировали вопрос о том, как „должны служить“ князю, да его главным людям.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Развитие классовых отношений	1
2. Создание государства	15
3. Положение трудящихся свободных людей в государстве	20
4. Государственный строй	27
5. Организация церкви	34
6. „Национальные“ противоречия	41
7. Образование классового общества	48
8. Распространение земледелия	59
9. Венгры и славяне: образование венгерского народа	67
10. Организация общества	72
11. Феодализм и дофеодализм	76

ÖSSZEFOGLALÓ

Akadémiai Kiadó (Budapest VI, Sztálin-út 31). — Felelős: Mestyan János.

51/2430. — Egyetemi Nyomda, Budapest. (F.: Erdős László.)

Magyar Tudományos Akadémia
Könyvtára 30180/1951. sz.

